

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. История, теория и методология экспериментально-психологических исследований.

1. Айрапетян Д.Р. Зарождение экспериментальной психологии в Армении: Гурген Эдилян.
2. Базылевич Т.Ф. Эксперимент в дифференциальной психофизиологии.
3. Батыршина А.Р. К истории экспериментального исследования воли в отечественной психологии.
4. Дробышева Т.В. Естественный формирующий эксперимент в социально-психологическом исследовании: достоинства и трудности применения.
5. Ждан А.Н. К истокам экспериментальной психологии в Московском университете.
6. Корнилова Т.В. Основные тренды в развитии методов психологических исследований.
7. Мазилев В.А. Уровневая структура эмпирического метода в психологии.
8. Мазилев В.А., Голубкова Е.А. Становление научной психологии: роль эксперимента и самонаблюдения.
9. Нагибина Н.Л., Артемцева Н.Г. Современные проблемы экспериментального исследования.
10. Русалов В.М. Экспериментальное исследование внутреннего мира отдельно взятого человека.
11. Сарычев С.В., Чернышев А.С. Методологические проблемы использования эксперимента в социально-психологическом исследовании совместной деятельности и группового поведения.

I

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗАРОЖДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В АРМЕНИИ: ГУРГЕН ЭДИЛЯН

Д. Р. Айрапетян

Ереванский государственный университет (Ереван, Республика Армения)

davidhaiarm@ysu.am

В статье обсуждаются первые экспериментальные психологические исследования армянского шрифта, сделанные Г. М. Эдиляном в 1933–1935 гг., которые свидетельствуют об уникальном вкладе этого ученого в развитие экспериментальной психологии в Армении. Основные результаты своих исследований ученый изложил в нескольких печатных пособиях. Подчеркивается актуальность новых исследований в этой сфере и необходимость восстановления затерянных научных разработок в сфере армянской психологической мысли.

Ключевые слова: Г. М. Эдилян, первые психологические эксперименты в Армении, читаемость шрифта.

Развитие психологической мысли и зарождение психологии как самостоятельной дисциплины в Армении, несомненно, связано с именем великого ученого Гургена Эдиляна. В Армении Г. М. Эдилян, прежде всего, известен как педагог и педагогический психолог, но немногие знакомы с психологическими экспериментальными исследованиями Г. М. Эдиляна в области психологии языка и речи. Лишь более глубокое исследование жизни и научной деятельности Г. М. Эдиляна помогает найти объективные причины того, почему многие его экспериментальные исследования так и не были напечатаны, а другие в единичных экземплярах лежат на полках архивов и национальной библиотеки Армении.

Чтобы лучше понять тягу Г. М. Эдиляна к использованию экспериментального метода в психологических исследованиях в нескольких словах обратимся к его биографии. В 1903 гг. Г. М. Эдилян закончил семинарию «Геворкян» в Армении, в 1904 г. он отправляется в Европу и до 1909 г. учится в университетах Иены, Лейпцига и Берна. Там он знакомится с В. Вундтом, Г. М. Эбингаузом, Э. Мейманом и с другими всемирно известными учеными. В 1909 г. в университете Берна Г. М. Эдилян защищает докторскую диссертацию по философии на тему «Критика формальных

ступеней Циллера» и возвращается на родину (Алексанян, 1973). В последующие годы не раз Г. М. Эдиляна будут критиковать за его прозападные «буржуазные» взгляды.

Начиная с 1909 г. до конца своей жизни Г. М. Эдилян непрерывно работает в сфере образования в разных местах и должностях. С 1921 по 1922 гг. Г. М. Эдилян является деканом факультета педагогики Ереванского национального университета (сейчас – Ереванский государственный университет), но в связи с закрытием факультета оставляет должность. Однако в 1928 г. его снова приглашают в государственный университет как преподавателя психологии, педагогики и методики армянского языка. Г. М. Эдилян в эти годы публикует первый учебник по психологии – «Пособие по психологии», которое выходит отдельными томами. Г. М. Эдилян в 1930 и 1931 гг. несколько месяцев живет и работает в Ленинграде, в Москве, где, как единственный психолог, представляет Армению (Архив ЕГУ). Эти годы являются переломными в истории психологии Армении, когда ученый начинает планировать свои первые психологические эксперименты.

В 1934 гг. Г. М. Эдилян переходит на работу в только что сформированный армянский педагогический институт, где основывает первую в Армении лабораторию экспериментальной психологии. Надо отметить, что с 1934 по 1937 гг. Г. М. Эдилян параллельно работает в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза вместе с В. А. Артемовым. Эта работа связана, прежде всего, с тем, что Г. М. Эдилян получает задание от Госиздата Армении исследовать психологические особенности восприятия армянского шрифта и разработать методические указания для его улучшения. Надо отметить, что в лаборатории под руководством В. А. Артемова были разработаны методы структурно-функционального анализа интонации и речевых спектров русского, национальных языков республик и иностранных языков. В лаборатории проходили совместные исследования психологов речи, фонетистов, языковедов, акустиков и инженеров связи. В этой творческой атмосфере работал Г. М. Эдилян, представляя Республику Армения (Алексанян, 1973).

Для нашего исследования самое интересное то, что за 1933–1935 гг. Г. М. Эдилян издал в Армении 5 пособий своих экспериментальных исследований общим объемом более 200 страниц и выборкой более 1500 человек. Это такие пособия, как «Читаемость шрифта» (1933), «Проблема читаемости двух видов армянского шрифта и строк длиной 31/2; 5; 6 квадрат» (1933), «Проблема читаемости строк» (1933), «Проблемы оформления книг» (1933), «Читаемость печатных строк» (1935). В 1933 гг. Г. М. Эдилян выступил в Москве с докладом «Сравнительный анализ читаемости армянского шрифта при различных длинах строк» (Архив ЕГУ).

По сути, эти работы автора являются первыми экспериментальными исследованиями в Армении, и становится ясным, что рождение экспериментальной психологии в Армении и ее развитие тесно связано с российской психологической мыслью. Причина этого в том, что перед учеными в разных республиках Советского Союза ставятся одни и те же задачи. Работы Г. М. Эдиляна, представителя армянской психологической общины, свидетельствуют о высокой подготовленности автора к грамотному и скрупулезному проведению психологической экспериментальной работы.

В. А. Артемов высказывался о Г. М. Эдиляне так: «В лице Гургена Месроповича Эдиляна научно-исследовательская лаборатория Московского университета пополнилась ученым с психологической, физиологической и философской эрудицией.

Г. М. Эдилян – мастер психологического эксперимента, который посвятил всю свою энергию развитию советской психологии...» (Эдилян, 1985).

Теперь подробно остановимся на основных моментах экспериментальных исследований Г. М. Эдиляна, которые делают эти работы уникальными свидетельствами развития экспериментальной психологии в те годы в Армении.

Главной целью своих экспериментальных исследований Г. М. Эдилян считал способствование культурной революции, приближение книги к массам не только с содержательной стороны, но и со стороны ее внешнего оформления (Эдилян, 1933).

В первой серии своих исследований Г. М. Эдилян выясняет, что читатели среднего уровня (грамотные рабочие) трудно читают строки длиннее 5 квадратов, а читатели высшего уровня (студенты) продуктивно читают более длинные строки. Но выясняется, что на продуктивность чтения влияют не только шрифт и длина строк, но также качество содержания материала, что ученый и вводит как третью переменную.

Г. М. Эдилян продолжает свои исследования на школьниках, где, выясняя стартовые возможности их чтения, наталкивается на интересную для себя закономерность – слишком большую дисперсию в классах. За одной партой сидят школьники, которые за минуту читают 300–500 букв и те, у кого показатель больше 1000. Кровые результаты вместо 10% достигают 40%. То же самое наблюдается у студентов, что говорит о недостаточной методической разработанности формирования классов. По полученным результатам Г. М. Эдилян формулирует первое научно-практическое предложение – печатать школьные книги длиной строк не меньше $5\frac{1}{2}$ и не больше $6\frac{1}{2}$ квадратов (Эдилян, 1933).

После ученый начинает масштабное исследование восприятия форм армянских букв, для чего он разрабатывает свою собственную методику.

Он выясняет, что хорошо читаются:

- а) 100% букв сверху вниз строки (հ, փ и т. д.);
- б) 87,5% надстрочных букв (ւ, հ и т. д.);
- в) 14% подстрочных букв (լ, զ и т. д.);
- г) 0% коротких букв (տ, ն и т. д.);

неправильно читаются:

- а) 83% коротких букв (տ, ն и т. д.);
- б) 57% подстрочных букв (լ, զ и т. д.);
- в) 12,5% надстрочных букв (ւ, հ и т. д.);
- г) 100% букв сверху вниз строки (հ, փ и т. д.);

вообще не читаются:

- а) 17% коротких букв (տ, ն и т. д.);
- б) 29% подстрочных букв (լ, զ и т. д.);
- в) 0% надстрочных букв (ւ, հ и т. д.);
- г) 0% букв сверху вниз строки (հ, փ и т. д.).

Самое интересное то, что в то время и до сих пор 40% армянских букв подстрочные, 86% из которых, как показывают результаты, или вообще не читаются, или неправильно читаются. И еще, в 1933 г., основываясь на экспериментальных данных, Г. М. Эдилян рекомендует реформировать эти буквы, подняв их над строкой. Ученый также отвергает заблуждение, что легко читаются те буквы, которые часто упо-

требляются. Основная проблема в том, что большая часть армянских букв похожа по форме (Эдилян, 1933).

Тонкая чувствительность к требованиям общества и времени направила Г. М. Эдиляна на экспериментальное изучение проблем восприятия армянского шрифта, читаемости строк, которые стали первыми психологическими экспериментами в Армении. По сути, еще 77 лет назад, основываясь на первых психологических экспериментах в Армении, Г. М. Эдилян считал актуальным реформирование армянского шрифта, а также предлагал основные вехи этой работы и дал конкретные научно-практические рекомендации. Считаю важным констатировать, что до сих пор полученные научные результаты так и не внедрили в практику, а указанные пособия затерялись на архивных полках, хотя специалисты, занимающиеся в наше время разработкой новых армянских электронных шрифтов, отмечают, что нуждаются в научно обоснованных рекомендациях.

По понятным причинам в биографическом очерке Гургена Эдиляна (Алексабян, 1973) Л. П. Алексабян не пишет ни слова о причинах смерти выдающегося армянского ученого. И лишь в библиографии, вышедшей в свет в 1985 г. (Алексабян, 1985) читаем: «...в рассвете творческих сил была прервана его деятельность: 18-го января 1942-ого года великий ученый и педагог скончался в городе Омск». И только тогда становится ясным, что Г. М. Эдилян скончался в ссылке, а многое из его экспериментальных психологических и педагогических исследований было изолировано от общества и осуждено оставаться в архивах так и не прочитанным, а нам доступно было то, что соответствовало духу времени.

Статью, посвященную Г. М. Эдилян – первому армянскому экспериментальному психологу – закончим его же словами из личных писем: «...Моя жизнь принадлежит не только мне, но также моим близким и тому народу, членом которого я являюсь. Даже в самых тяжелых условиях нужно работать для обогащения народного искусства... Жизнь, оторванная от сознания, для меня равна смерти... Даже самую последнюю частичку моей жизни я подарю просветительской работе моего народа – до конца моей жизни оставаясь верным моей профессии» (Личный архив Г. М. Эдиляна).

Литература

- Алексабян Л. П. Гурген Эдилян (на армянском языке). Ереван: Изд-во ЕГУ, 1973.
- Алексабян Л. П. Гурген Эдилян. Библиография (на армянском языке). Ереван: Изд-во ЕГУ, 1973.
- Артемов Владимир Алексеевич (некролог). Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 170.
- Архив ЕГУ. Личное дело Гургена Эдиляна (на армянском языке). Документ № 961.
- Эдилян Г. М. Личный архив (на армянском языке). Документ № 3.
- Эдилян Г. М. Очерки по психологии (на армянском языке). Ереван: Армгоспедиздат, 1985.
- Эдилян Г. М. Проблема читаемости двух видов армянского шрифта и строк длиной 31/2; 5; 6 квадратов (на армянском языке). Ереван: Госиздат, 1933.
- Эдилян Г. М. Проблема читаемости строк (на армянском языке). Ереван: Госиздат, 1933.
- Эдилян Г. М. Проблемы оформления книг (на армянском языке). Ереван: Госиздат, 1933.
- Эдилян Г. М. Читаемость шрифта (на армянском языке). Ереван: Госиздат, 1933.

ЭКСПЕРИМЕНТ В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

Т. Ф. Базылевич

Институт психологии РАН (Москва)
Университет РАО, ф-т психологии (Москва)
baz5@yandex.ru

В предлагаемой работе анализируются модификации эксперимента в дифференциальной психофизиологии в связи с изменением тенденций ее развития. Судьба технологий эксперимента соотносится с логикой изменения идей в познании природных факторов индивидуальности при исторической инвариантности основных законов.

Ключевые слова: типологическое исследование, дифференциальная психофизиология, эксперимент, квазиэксперимент, этапы развития типологического познания, индивидуальные особенности, психология целостной индивидуальности.

Дифференциальная психофизиология как отдельное направление науки основана В. Д. Небылицыным в 1968 г. Данное типологическое направление было призвано экспериментально изучать унитарные свойства целого мозга как задатки общеличностных особенностей человека.

Эксперимент – основа типологического исследования. Только экспериментальные факты ставились в центр познания в отечественной школе Б. М. Теплова–В. Д. Небылицына. Только надежные валидные факты становились отправным моментом некоторого теоретического обобщения.

Технологии эксперимента в дифференциальной психофизиологии необходимо соотносятся с этапами ее становления и развития (Базылевич, 2005–2010). Имплитный этап становления дифференциальной психофизиологии (от древних типологий до периода 1956–1968 гг.) связан с созданием научных и социальных предпосылок выделения в научном познании типологической проблематики. Сложившиеся здесь экспериментальные технологии обслуживали аналитические концепции биологических основ индивидуальных различий. Вычленяли (часто весьма субъективно) объектом эксперимента лишь отдельные анатомо-физиологические признаки (такие стратегии ограничены линейными схемами анализа в русле теорий психофизиологического взаимодействия, тождества и параллелизма). В результате образовалось труднообозримое количество эмпирических типологий, в которых сделаны попытки дифференцировать такие группы людей, как объективные и субъективные (Бине и др.), экстраверты и интроверты (Юнг), рационалисты и эмпирики (Джемс), шизотимы и циклотимы (Кречмер), висцеротоники, соматотоники, церебротоники (Шелдон), холерики, меланхолики, сангвиники, флегматики (Гиппократ, Павлов, Русалов) и др. Большинство этих типологий представляет теперь лишь исторический интерес, поскольку основаны на вариативных проявлениях субъективно выделенной «мозаики» черт. Из-за мифологичности соответствующих теоретических построений очевидной здесь стала ситуативность характеристик индивидуальности, ведущая к фрагментарности фактов.

Работы школы Б. М. Теплова–В. Д. Небылицына, широко известные у нас в стране и за рубежом, знаменовали прорыв в типологической науке (обзоры: Базылевич, 2007–2010; Умрихин, 1987; и др.). Созданные классиками исторически инвариантные идеи получают отклик в современной дифференциальной психофизиологии.

Эксплицитный этап познания индивидуальности (1969–1980) связан с осознанием острой потребности теории и практики в знании природных основ индивидуально-психофизиологических различий. Продолжены, но уже с новых системных позиций, экспериментальные исследования индивидуально-стабильных, природных, конституциональных, генотипических особенностей человека, включенных в деятельность (Базылевич, 1983, 2005; Небылицын, 1966, 1996; и др.). Существенно расширился экспериментальный анализ условий, механизмов и факторов включения синдромов свойств в функциональные системы (Базылевич, 1998; и др.).

Впервые здесь подвергнут объективному анализу «вертикальный срез» разнородных свойств индивидуальности, которые – в виде эволюционно обусловленных «слитий» свойств индивида и личности – четко фиксировались в эмпирических исследованиях типологических факторов (Базылевич с соавт., 1983–2010). По системной методологии, интегративные характеристики психофизиологического уровня индивидуальности – как обладающие выраженными кумулятивными качествами – стали референтными для дифференциально-типологического эксперимента (Базылевич, 2005). Целый ряд конкретно-экспериментальных исследований четко показал, что любая стадия формирования деятельности (важно! – при стабилизации ее развития) содержит в структуре типологических факторов ее реализации: генотипические характеристики, вектор «Мотив-цель», параметры текущей ситуации или информационного эквивалента образа потребного будущего (Базылевич с соавт., 1998–2010).

Экспериментальная оценка свойств индивидуальности высших уровней, очевидно, не может быть выражена через суммацию отдельных свойств (таких как типологические особенности ВНД), однако информация об их организации в деятельности при учете надситуативных координат ее развития важна для систематизации своеобразности человеческой психики (Базылевич, 1998, 2007; и др.)

Вместе с тем форсирование аналитических стратегий конкретных исследований вело к лабиринту тупиковых позиций. Так, неоднократно показаны: парциальность свойств нервной системы, множественность и неоднозначность их психологических проявлений (Базылевич 1983; Русалов, 1979).

Рефлективный этап развития дифференциальной психофизиологии (1980–1995) связан с осмыслением и систематизацией результатов конкретных исследований в системе человекознания, с расширением перспектив использования законов индивидуальности в социальной практике. Систематизация включения эксперимента в исследования при аналитической и субъектно-центрированной парадигме дифференциальной психофизиологии приведена в таблице.

	Аналитическая парадигма	Субъектно-центрированная парадигма
Цель исследований	Поиск ортогональных свойств нервной системы и их психологических проявлений	Изучение типологических факторов внутренних условий функциональных систем, опосредствующих влияние внешних причин на своеобразие субъекта психической деятельности
Предмет исследований	Индивидуально-стабильные, природные, конституциональные, генотипические особенности индивида	Индивидуализированность развития как системная целостность, где интегрированы свойства, идущие из прошлого (генотип, онтогенез), настоящего (компарация прогноза и реальности) и будущего (информационный эквивалент образа потребного будущего)
Объект исследований	Основные свойства нервной системы	Структура целостной индивидуальности в ее системном воздействии на интегративные характеристики субъекта

Методология исследований	Деятельностный принцип	Эволюционно-системный и комплексный субъектноцентрированный подход
Метод	Эксперимент психофизического образца при произвольности опытных показателей	Квазиэксперимент, основанный на фундаментальной теории, фиксирующий «слития» разноразмерных свойств индивидуальности в поведении
Статистические приемы доказательства	Корреляционный и факторный анализ для выделения ортогональных факторов	Облическая модель факторного анализа, таксономия, методы непараметрической статистики

Таким образом, обобщение результатов модификации планов эксперимента в дифференциальной психофизиологии позволило показать, что индивидуальные свойства у активно действующего индивидуума получают свою определенность только при включении их в систему (Базылевич, 1998, 2005; и др.). Такой ракурс объекта исследования с необходимостью предполагает соотнесение вариаций свойств с надситуативными координатами антиципируемого результата действия при решении человеком значимой для него задачи. Эксперимент при этом не может быть манипулятивным, в современной науке он рассматривается как пласт реальной жизнедеятельности человека в ее естественном развитии.

Закономерности психологии индивидуальности в ее интегративной целостности являются ключевыми для конструирования нового эксперимента в дифференциальной психофизиологии (Базылевич, 2007; и др.). Очевидно, познание целостных типологических факторов развития индивидуальности не может осуществляться только на материале традиционных измерений отдельных свойств и признаков индивида и личности, которые в своей метрике ситуативны и вариативны.

Целостность сверхсложных «живых» систем, как известно, принципиально не может быть описана через взаимосвязи отдельных их частей. Целостность, применительно к проблемам индивидуальных различий, целесообразно экспериментально изучать через «системообразующий фактор», интегративность характеристик человека, типичность поведения. Именно эти целостнообразующие своеобразия индивидуальности оцениваются квазиэкспериментом, конструируемым в современной психологии индивидуальных различий (Базылевич, 2002, 2007 и др.). Фиксируемые при этом типологические факторы содержат следы прошлого (генотипические признаки), аналоги настоящего (сравнение прогноза и реальности) и предвестники будущего (информационные эквиваленты образа-цели). Эта модель таким образом отражает общие закономерности строения недизъюнктивных структур целостной индивидуальности (Базылевич с соавт., 1998–2007).

Таким образом, становится понятным, что познание закономерностей индивидуальности в ее целостности требует выхода за рамки чисто лабораторного – подчас манипулятивного – эксперимента и перехода к субъектно-центрированному системному ракурсу конкретных исследований. Это создает план конструирования квазиэксперимента, базирующегося на фундаментальной типологической теории (Базылевич, 2007). Данная стратегия априорно позволяет анализировать своеобразия фиксируемых в деятельности синдромов по сочетаниям признаков индивидуальности в составе «жестких» звеньев внутренних условий развивающегося взаимодействия человека с миром.

Институциональный период развития дифференциальной психофизиологии (1980–2010) связан с реализацией субъектно-центрированных принципов человекознания. Это привело к признанию социальной и научной важности проработки проблем дифференциальной психофизиологии. Данный этап характеризуется открытием новых технологий типологического квазиэксперимента в «смежных» областях: на стыке акмеологии, экологической психологии, психологии безопасности жизнедеятельности, психогенетики (Базылевич с соавт., 1998–2010; и др.).

Сегодня стало очевидным, что материалы конкретных исследований содержат многочисленные факты, доказавшие, что фиксируемые в конкретных экспериментах и эмпирических исследованиях типологические факторы соотносятся – как обычно прогнозировал В.Д. Небылицын – со сколь угодно важными особенностями психологии индивидуальности. Так, в диссертациях показано типологическое своеобразие: формально-динамических особенностей мотивации личности (Дорошенко, 2006), выраженности профессионального «выгорания» (Бутылин, 2009), продуктивности деятельности профессионала (Кордюков, 2006), эффективности социально-психологического консультирования развивающейся личности как целостной индивидуальности (Хакимзанова, 2008), субъектной сферы детей коррекционных классов (Таиби, 1995), психологических защит личности (Базылевич, Выставкаина, 2010), действия малых доз радиации (Базылевич и др., 1995). Неожиданным стал факт соотнесенности в типологических факторах акмеологического статуса зрелой личности не с отдельными признаками индивидуальности, а с ее интегративным индексом, фиксирующим гармоничность ее экологических «ниш» (может оцениваться по квазиэксперименту оценки структуры целостной индивидуальности по первой шкале ОСЦИ) (Базылевич и др., 2007).

Данные обстоятельства позволяют прорабатывать острые проблемы психологии безопасности индивидуальности, когда ее своеобразие должно стать объектом и субъектом социальной защиты.

Таким образом, проработка проблем дифференциальной психофизиологии настоятельно требует постепенного восхождения от узких экспериментально-эмпирических оценок свойств отдельных психических функций к субъектно-центрированному изучению системных синдромов целостной индивидуальности.

Литература

- Базылевич Т. Ф. Моторные вызванные потенциалы в дифференциальной психофизиологии. Наука: М., 1998.
- Базылевич Т. Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. М.: ИП РАН, 1998.
- Базылевич Т. Ф. Дифференциальная психофизиология: прошлое, настоящее, будущее // Мир психологии. 2004. №3. С. 44–67.
- Базылевич Т. Ф. Проблема тестов в психологии и дифференциальной акмеологии. М.: РАГС, 2006.
- Базылевич Т. Ф. Дифференциальная акмеология. М.: РАГС, 2007.
- Базылевич Т. Ф., Александрова Н. И., Жоров П. А., Русалов В. М. Некоторые итоги исследования общих свойств нервной системы человека // Вопросы психологии. 1977. №3. С. 33–45.
- Базылевич Т. Ф., Бутылин А. В., Выставкаина Т. А., Колядина Т. В. Целостность индивидуальности как основа конструирования квазитеста в дифференциальной акмеологии // Акмеологическая диагностика: Коллективная монография. М.: РАГС, 2007. С. 185–208.

- Базылевич Т. Ф., Выставкина Т. А. Феномен психологических защит в структуре целостной индивидуальности // Мир психологии. 2010. № 1. С. 208–218.
- Базылевич Т. Ф., Ломов Б. Ф., Небылицын В. Д. Развитие дифференциальной психофизиологии // В. Д. Небылицын. Избранные труды. М.: Педагогика, 1990. С. 5–24.
- Базылевич Т. Ф., Небылицын В. Д. О механизме «раздвоения» негативного компонента моторного вызванного потенциала // Физиологический журнал СССР. 1972. Т. 58. № 8. С. 1295–1301.
- Небылицын В. Д., Базылевич Т. Ф. ВП двигательной зоны коры у человека // Физиологический журнал СССР. 1970. № 12. Т. 56. С. 1682–1688.
- Умрихин В. В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М.: Педагогика, 1987.

К ИСТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. Р. Батыршина

Набережночелнинский государственный
педагогический институт
arb.71@mail.ru

В статье раскрываются основные подходы к построению классификации методов изучения волевой сферы личности в отечественной психологии; выделены основные методики, получившие наибольшее распространение в экспериментальных исследованиях.

Ключевые слова: воля, методы изучения воли, классификация методов, волевое усилие, волевые качества личности.

Радикальные преобразования, которые испытывает современное состояние психологической науки, переживающей, по оценкам отечественных методологов, состояние кризиса (Зинченко, 2003; Мазиллов, 2003; Юревич, 2001; и др.), обостряют интерес к историко-научной переоценке прошлого. Одной из особенностей развития отечественной психологии можно считать необыкновенное разнообразие в ходе ее развития концепций, подходов и направлений, но и наличие крайне противоречивых тенденций. В связи с этим объективное осмысление полученных результатов, многосторонний анализ психологического наследия отечественных психологов выступает в качестве необходимой задачи в построении беспристрастной картины прошлого.

Экспериментальное изучение воли в психологии активно начинается с начала XX в. и его принято вести от работ немецкого психолога Н. Аха. В отечественной психологии изучение воли и волевых процессов экспериментальными методами начало отсчета начинает со второй половины XX в., однако изучением волевой сферы занимались еще А. Ф. Лазурский (1915–1917), М. Я. Басов (1922). Последующие отечественные исследования ассимилировали в себе традиции экспериментального изучения воли в русской и зарубежной школах, принимая весьма разветвленный характер. В целом, данные исследования характеризуются тем, что, во-первых, анализируется не волевая сфера как единое целое, но волевые качества, волевые усилия, волевая активность. Это связано с тем, что трудности в диагностике воли являются прямым следствием терминологической неясности, так как «до сих

пор целый ряд понятий, относящихся к этой проблеме, трактуется психологами неоднозначно» (Высоцкий, 1986, с. 24–25). И во-вторых, большое количество исследований проведено на материале спортивной, учебной, трудовой деятельности разных возрастных групп.

Многими авторами предпринимались попытки представить классификации методов изучения воли (Ильин, 2009; Шингаев, 2001; Пасниченко, 1995 и др.). Отсутствие общепринятых принципов классификации волевых проявлений сказывается на том, что анализируются и изучаются волевые свойства и качества в зависимости от теоретических позиций автора и задач подачи материала. Так, все многообразие методов изучения волевой активности Е. П. Ильин (Ильин, 2009) разделяет на экстенсивные и экспериментальные. В основе экстенсивных методов, по мнению Е. П. Ильина, лежит наблюдение за поведением субъекта в естественных условиях, анализ действий и поступков личности и их оценка, а также беседы, интервьюирование, опрос. Наиболее доступными являются: метод обобщенных независимых характеристик, метод взаимных оценок и метод самооценки. К экспериментальным методам ученый относит естественный и лабораторный эксперименты. Выделенные методы имеют недостатки, которые отмечают сами исследователи, а именно: недостатком естественного эксперимента является трудность проникновения в «интимную микроструктуру и динамику волевого процесса», а закономерности, обнаруженные с помощью лабораторного эксперимента, «не всегда характеризуют волевые свойства испытуемого как личности» (Игнатъев, 1960, с. 22).

С. М. Шингаевым предложена классификация методов и методик изучения волевых проявлений: 1) на моторном уровне – измерение волевого усилия; 2) на интеллектуальном уровне – неразрешимые задачи; 3) на поведенческом уровне – опросники (Шингаев, 2001). Выделенные методик также не лишены критических замечаний – использование интеллектуальных тестов для диагностики проявлений воли значительно затрудняет дифференциацию волевых и интеллектуальных показателей.

Оригинальный подход к выделению основания для классификации методов экспериментального исследования воли можно увидеть в исследовании А. Э. Пасниченко (Пасниченко, 1995). Ею предлагается разделение всех методов и методик на две группы в соответствии с делением основных психологических теорий воли по степени обобщенности исходного понятия: первая группа исследует волевые усилия (в рамках «функционального» подхода, рассматривающий волю только как исполнительную функцию), и вторая группа исследует волевые качества личности (в рамках «ценностно-смыслового» подхода, которые учитывает содержательную сторону волевого действия, задаваемый личностным уровнем, – мотивы, ценности и цели).

Наиболее «массивно» в отечественной психологии воли (особенно в советский период развития психологии) представлена линия изучения волевого усилия. Ее представители рассматривают усилие как центральный и специфический признак воли. Эта линия берет начало от работ А. Ф. Лазурского, М. Я. Басова и продолжается В. Н. Мясищевым, В. С. Мерлиным. В отечественной психологии 50–80-х годов XX в. она разрабатывалась в психологии спорта (А. Ц. Пуни, П. А. Рудик и др.), и наиболее последовательно – рязанской школой во главе с В. И. Селивановым, который прямо рассматривает волю как «способность личности к сознательным усилиям». Можно согласиться с мнением Е. Н. Баканова, который справедливо считает эту линию чисто отечественной, ибо в зарубежной психологии не существовало традиции

рассматривать усилие как центральную черту воли. Также нельзя не отметить того исторического факта, что именно представители Рязанской психологической школы неизменно отстаивали проблему воли даже во времена наиболее глубокого и распространенного скепсиса по отношению к ней. Представители этой линии интенсивно экспериментировали, однако эксперимент здесь тоже оставался на уровне предварительных наблюдений и недостаточно тесно взаимодействовал с понятийным аппаратом.

В рамках второго, «ценностно-смыслового», подхода изучаются волевые качества личности, в исследовании которых А. Э. Пасниченко выделяет два направления:

1) волевые качества рассматриваются как конкретные особенности протекания волевых действий (процессуальный аспект волевого качества: «как оно проявляется в конкретной деятельности»);

2) волевые качества как уже закрепившиеся способы преодоления затруднений, появляющиеся в деятельности независимо от ее вида (не «привязаны» к конкретным условиям). Здесь волевое качество рассматривается не как актуально переживаемое, а как потенциально присущее: существующее у данного человека, хотя и не актуализирующееся в данный момент («здесь и теперь»).

Соответствуют этим двум направлениям и методы изучения. В русле первого направления используются следующие процедуры:

- 1) наблюдение за выполнением испытуемыми какой-либо конкретной деятельности, для которой характерно проявление определенных специфических волевых качеств;
- 2) экспериментальные ситуации для изучения конкретных проявлений волевых качеств: а) оценка волевого качества по результату решения конкретной экспериментальной задачи, тест Кларка; б) счет в условиях помех – методика В. К. Калина с применением экспериментальной установки ЛУ-1; тест перцептивной способности Торнтонна; в) экспериментальная ситуация риска; шоковые тесты Торнтонна; г) задачи с отсроченным выполнением; д) естественный (полевой) эксперимент; е) формирующий эксперимент: выработка волевых качеств в спортивной, учебной деятельности.

При рассмотрении волевых качеств как устойчивых характеристик волевого регулирования используют:

- 1) беседу;
- 2) анкеты, сочинения с последующим контент-анализом;
- 3) анализ литературных источников, анализ продуктов деятельности;
- 4) методы самооценок, экспертных и взаимооценок волевых качеств: а) экспертные оценки (метод обобщения независимых характеристик по силе, устойчивости, широте, направленности волевых качеств в 5-балльной системе), метод полярных профилей, метод параллельных профилей В. И. Селиванова, метод компетентных судей, использование для оценивания пятибалльной и десятибалльной шкал; б) самооценки вместе с экспертными оценками и взаимооценками; методика объективированной самооценки волевых качеств личности А. Ц. Пуни, шкала самооценки настойчивости, самоуверенности Торнтонна; в) косвенные методы самооценки развития морально-волевой сферы;
- 5) тесты и опросники: а) дающие релевантную информацию об исследуемой реальности: уровень субъективного контроля Роттера; ориентация на действие

и состояние Ю. Куля; проективные методы; б) направленные именно на изучение волевой сферы (опросник волевых качеств Н. Б. Стамбуловой; опросник волевого самоконтроля (ВСК) Е. В. Эйдмана; волевой опросник личности (ВОЛ) А. Хохлова; опросник настойчивости Ванга; опросник волевых качеств личности (ВКЛ)) (Пасниченко, 1995).

Необходимо отметить методики, измеряющие волевые качества в контексте их связи с комплексом других свойств личности. Примером подобных диагностических инструментов служат: Фрайбургский личностный опросник FPI включает факторы, измеряющие уверенность в себе, выдержанность; Калифорнийский психологический опросник CPI позволяет выявить инициативность, самоуверенность, ответственность, самоконтроль; «психологические профили» Россолимо (одна из групп тестовых заданий называется «Воля» и включает в себя пробы на сопротивление автоматизму и внушению); опросник проблем решения PSI П. Хеппнера и К. Петерсена, исследующий уверенность в решении проблемы, уклонение от решения проблемы и самоконтроль; личностный опросник Е. Куличковой, позволяющий получить информацию о решительности, напористости, импульсивности, умении владеть собой, самостоятельности и ряд других методик.

В качестве диагностического инструмента возможно использование биографических методик, предполагающих получение информации о ситуациях, в которых испытуемый демонстрировал волевые усилия (в частности, частота и качественная характеристика таких ситуаций), плотность нахождения данной личности в тесном контакте с другими людьми, обладающими отчетливо выраженными и развитыми волевыми качествами. Один из таких методов носит название метода «свободной автобиографии» (Миславский, 1988).

Из этого обзора видно, что методы выявления и оценки волевых качеств характеризуются большим разнообразием. Однако, несмотря на имеющееся разнообразие направлений, аспектов рассмотрения и методов исследования волевых качеств личности, исследования остаются, по А. Э. Пасниченко, в рамках формально-динамического подхода.

В силу данного состояния, главным в разработке психологического инструментария, необходимо уделять внимание методам и методикам, исследующим ценностно-смысловую сферу личности. В определении содержания волевых качеств рядом исследователей предлагается использование метода семантического дифференциала, изучение индивидуального восприятия качественных прилагательных, характеризующих волевые свойства личности, «реконструкция представлений обыденного сознания об этих волевых качествах». Так как термины, прилагательные, «обозначающие волевые качества, являются единицами естественного языка, а самосознание, в том числе и своих волевых качеств, реально участвует в регуляции поведения, то реконструкция данного семантического локуса обыденного сознания может быть не только оправданной, но и практически необходимой» (Иванников, Эйдман, 1990). Таким образом, наиболее перспективным направлением в исследовании личности, волевых свойств можно считать психосемантический подход, где личность испытуемого рассматривается «как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов» (Петренко, 1983, с. 31).

Завершая обзор исследований экспериментального изучения воли в отечественной психологии можно отметить следующее:

- неоднозначное отношение к общей проблематике исследования воли сказывается на недостаточности методических средств и приемов для изучения волевой активности и волевых качеств личности;
- существующие методики изучают не волевою сферу в целом, но дают результаты, относящиеся к частным проявлениям волевой активности в конкретных экспериментальных условиях;
- в сферу психологического инструментария вовлекаются методы и методики, которые прямо не являются направленными на изучение волевых особенностей и проявлений (биографический метод, контент-анализ; экспертные оценки);
- существуют проблемы согласованности при сопоставлении результатов, что говорит о низкой валидности имеющихся методов и непроработке теоретических конструктов, лежащих в основе отдельных методических процедур;
- одним из вариантов решения диагностической процедуры волевой сферы личности можно считать психосемантический подход и использование метода семантического дифференциала.

На наш взгляд, разрешение вопросов методов и методик экспериментального исследования волевой сферы во многом строится на разработке теоретических положений проблемы воли личности, которые являются особенной линией исследования в отечественной психологии и до сих пор сохраняют свою автономность и независимость.

Литература

- Высоцкий А. И.* Экспериментальное исследование волевой активности. Основные подходы к психологическому исследованию волевой активности личности // Экспериментальные исследования волевой активности: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А. И. Высоцкого и др. Рязань: РГПИ, 1986. С. 24–38.
- Иванников В. А., Эйдман Е. В.* Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. № 3. С. 39–49.
- Игнатъев Е. И.* Экспериментальное изучение простейших компонентов воли у школьников // Вопросы психологии личности: Сборник научных трудов. М., 1960. С. 108–129.
- Ильин Е. П.* Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009.
- Мазилев В. А.* Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Методология истории. Ярославль, 2003. Т 1. С. 205–237.
- Миславский Ю. А.* Саморегуляция личности и трудовая активность сельских школьников // Новые исследования в психологии: Сборник научных трудов. М., 1988. № 2 (39). С. 52–57.
- Пасниченко А. Э.* Оценка индивидуально-возрастных особенностей развития волевых качеств личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
- Петренко В. Ф.* Психосемантические исследования мотивации // Вопросы психологии. 1983. № 3. С. 29–39.
- Шингаев С. М.* Психодиагностика и формирование волевых качеств курсантов высшего военно-учебного заведения: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001.
- Юревич А. В.* «Методологический либерализм» в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ФОРМИРУЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ДОСТОИНСТВА И ТРУДНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Т. В. Дробышева

Институт психологии РАН (Москва)

Drobysheva@psychol.ras.ru

В статье анализируются достоинства метода, характеризующие его незаменимость в изучении динамики социально-психологических феноменов в условиях микросоциальных воздействий. Проведен сравнительный анализ естественного формирующего эксперимента в сравнении с другими видами экспериментов. Выявлены некоторые трудности применения данного метода в социально-психологическом исследовании, связанные как с процедурой его организации, так и с ограничениями предмета.

Ключевые слова: естественный формирующий эксперимент, социально-психологическое исследование, лабораторный эксперимент, естественный констатирующий эксперимент, критерии внешней и внутренней валидности.

Введение

Поиск объективности результатов психологического исследования исторически связан с введением эксперимента. Причем традиционно в разных психологических дисциплинах используются и разные типы эксперимента, выбор которого определяется изучаемым предметом и гипотезой исследования. В тех отраслях психологии, где предметное поле включает феномены, раскрывающие связь макро- и микросоциальной среды и психики, к которым можно отнести социальную, экономическую, экологическую, этническую, политическую и др., возрастает значение естественного эксперимента.

Проблема валидности применения *экспериментального метода в социально-психологическом исследовании* – тема острых дискуссий первой половины прошлого века, однако и сегодня она продолжает волновать исследователей. Так, подчеркивая, что «социальная психология стала экспериментальной наукой» (Социальная психология, 2007, с. 33), С. Московичи делает акцент на лабораторном эксперименте, занижая роль естественного, а Д. Майерс (Майерс, 2007) уточняет, что из каждых трех экспериментов в американской социальной психологии второй половины XX в., два – лабораторных. Причина исследовательских предпочтений определяется низким контролем за факторами внутренней валидности в естественном эксперименте. Значительный шаг в изменении ситуации в пользу повышения достоверности результатов *естественных социально-психологических экспериментов* был сделан Д. Кэмпбеллом (Кэмпбелл, 1996), описавшим специфику основных моделей и планов экспериментальных и квазиэкспериментальных исследований. В результате в логике современных социально-психологических работ, использующих естественный эксперимент, стала появляться аргументация выводов, подкрепляемая анализом степени реализованности планов и способов сбора данных, применением гипотетических конструкторов и т. д.

Развивая экспериментальное направление, социальные психологи традиционно ориентируются на расширение процедур лабораторного эксперимента, одним из существенных недостатков которого, наряду с уже известными (способами контроля,

влиянием испытуемого и экспериментатора и пр.), можно рассматривать проявление в его результатах так называемых «субъективных факторов», которые, с одной стороны, должны интересовать исследователя, а с другой – «не дают возможность проводить его (эксперимент. – Т.Д.) по строгим канонам естественнонаучного эксперимента» (Ломов, 1984, с. 41).

Выход из сложившейся ситуации Б. Ф. Ломов видел в формирующемся эксперименте, «который для понимания детерминаций психических явлений может дать больше, чем эксперимент, просто фиксирующий состояния, как бы протекающие вне зависимости от него» (Ломов, 1984, с. 42). Основное развитие эксперимента в системном подходе он рассматривал через возможности анализа психических, социально-психологических и других явлений не по отдельно взятым показателям, а в их взаимосвязи, в их системе.

Место естественного формирующего эксперимента в системе методов

Одной из проблем, связанных с пониманием и, соответственно, применением метода, является определение его места в ряду других, близких по содержанию методов. Сравнивая «естественный эксперимент» с «полевым экспериментом» и «социальным экспериментом», обычно указывают не на их аналогичность, а на взаимную пересекаемость (Корнилова, 1997; Климов, 1998; и др.). Так, с точки зрения Е. А. Климова, «узкое значение „естественного эксперимента“ соотносится с таким же понятием „социальный эксперимент“, которое включает предположения о воздействиях на жизнь человека изменяющихся социальных условий...» (Климов, 1998, с. 54), но только в том случае, если в нем применяются формы и средства научного контроля над выводом об истинности суждений. В остальных случаях «социальный эксперимент» не есть эксперимент в полном смысле этого слова как диагностико-исследовательский метод, так как его основной целью становится внедрение в жизнь новых форм социальной организации и совершенствования управления обществом.

Подчеркивая различия «естественного» и «полевого» экспериментов (последний широко применяется в зарубежной социальной психологии), в качестве *основного признака* естественного эксперимента выделяют «диффузное» экспериментальное воздействие, характеризующееся «неопределенностью в многообразии учетных и не учетных экспериментатором психологических и непсихологических переменных» (Корнилова, 1997, с. 56), по сравнению с более структурированной системой учета и контроля за всеми переменными в полевом (два других признака у них совпадают: естественные условия жизнедеятельности испытуемых и контроль экспериментатора за получением результатов). Хотя в данном случае сравниваются не только две системы воздействий по степени контролируемости и организованности, но и две системы знаний, сформировавшихся в начале и конце века, что в определенной степени объясняет эти различия.

В настоящее время, говоря о развитии метода, указывают на его специфику по цели исследования – *констатация* или *формирование*. Поскольку иных классификаций естественного эксперимента не обнаружено, будем придерживаться такого разделения.

Относительно самого термина «формирующий эксперимент» также существуют разные мнения. Дополнение «формирующий» к диаде «естественный эксперимент» указывает на целенаправленность, активность действий экспериментатора, ориентированных на создание, преобразование, изменение психических функций

и свойств личности, характеристик группы и индивидов, в нее включенных, и т. д. Важно подчеркнуть, что в дальнейшем мы будем рассматривать тот тип экспериментирования в естественных условиях, который традиционно ориентирован на проверку *каузальных гипотез*, а не *структурно-функциональных*, которые применялись в работах Л. С. Выготского (метод «двойной стимуляции») и П. Я. Гальперина (метод «поэтапного формирования умственных действий и понятий») и включали «компоненты диагностики (внутренних структур базисных процессов) и большой диапазон для проявления саморегуляции (или ее полного отсечения) в „экспериментальной деятельности испытуемых“» (Корнилова, 1997, с. 25). Данные типы исследований, по мнению Т. В. Корниловой, лишь условно могут относиться к экспериментальным и должны выделяться в специальные типы исследований (Корнилова, 1997). Однако и их применение в социальной психологии встречается не так часто.

«*Социальный формирующий (или созидательный) эксперимент*» в работе Е. А. Климова определяется тем, что «заведомо ориентирован на достижение желательного *практического эффекта*, а именно: преобразование изучаемого социального объекта в желательном направлении (звучит это чаще как цель оптимизации, улучшения, обучения)» (Климов, 1998, с. 58). В данном случае такой тип эксперимента близок по содержанию к «*формирующему эксперименту*» в педагогической психологии, который направлен на «изучение конкретных путей формирования личности ребенка, обеспечивая соединение психологических исследований с педагогическим поиском и проектированием наиболее эффективных форм учебно-воспитательного процесса (т. е. в большей степени практико-ориентирован)» (Краткий психологический словарь, 1985, с. 404).

Сравнивая *естественный формирующий эксперимент* в социально-психологическом исследовании с *естественным констатирующим*, Ю. М. Забродин отмечает: нарастающую сложность в управлении контролируемые переменными (усложнение набора стимулов и реакций; приемов регистрации переменных; сбора и обработки полученной информации; статистического планирования эксперимента и т. п.); *активность исследователя*, которая «состоит не только в том, что он формирует собственно эксперимент, но также формирует и развивает субъекта, погруженного в данный эксперимент» (Забродин, 1990, с. 25). Таким образом, добавка «формирующий» в «естественном эксперименте» подчеркивает не только цель самой работы, но и в какой-то степени позволяет отклонить оценку на «диффузность» экспериментального воздействия в классической трактовке А. Ф. Лазурского (Естественный эксперимент и его школьное применение, 1918).

Именно в пользу формирующего эксперимента более четверти века назад высказался Б. Ф. Ломов (Ломов, 1996), отметив, что у исследователя, стремящегося к объективности своих выводов, есть два пути – бесконечно нивелировать все детерминанты, ухудшающие предсказание, или проводить формирующие эксперименты. В целом, многие авторы, изучающие формирующий эксперимент, отмечают его прогностические возможности для выявления причинно-следственных отношений (Жуков, Гржегоржевская, 1977; и др.).

Таким образом, можно сказать, что естественный формирующий эксперимент дает нам основное предпочтение, рассматриваемое как его основное достоинство, – выявление не только причин и следствий (или эффектов), но и учет системы детерминации каузальной связи.

Естественный формирующий эксперимент как метод социально-психологического исследования. Достоинства и трудности применения

Принимая во внимание достоинства изучаемого метода, тем не менее, следует отметить, что предметное поле социальной психологии ограничено для его применения. С помощью данного метода изучаются: условия и социально-психологические технологии воздействия на профессиональное, экономическое, нравственное и другие виды самосознания личности; некоторые аспекты формирования социального интеллекта, организаторских и коммуникативных способностей, лидерства, помогающего поведения; социально-психологическую динамику (ценностных ориентаций, установок, отношений, представлений) личности в трудовой, учебной и игровой деятельности; факторы производительности труда и различные категории отношений в производственных коллективах и т. п. – в большинстве они выступают в качестве *зависимых переменных*. *Независимыми переменными* в таком типе эксперимента обычно являются различные виды социального воздействия, осуществляемые в разных формах: обучения (социального, экономического, профессионального и т. п.), воспитания (в семье и вне семьи), трудовой деятельности, досуга, общения, игры, тренингов, дискуссий, собраний и т. д.

Возвращаясь к заявленному утверждению об адекватности естественного эксперимента для изучения социально-психологических феноменов, следует указать еще на один аргумент в его пользу. Он определяется теми критериями, на которые ориентируются психологи в ситуации выбора между лабораторным и естественным экспериментом. Речь идет о следующем: контроле за переменными, случайном распределении, удобстве проведения, реалистичности, влиянии независимых переменных, подозрительности и искажении, внешней валидности (Кэмпбелл, 1996; и др.). Выбирая естественный эксперимент для своего исследования, экспериментатор делает выбор, в первую очередь, в пользу *высокой внешней валидности и реализма результатов*.

Подчеркивая достоинства метода для изучения социально-психологических феноменов, следует вернуться к вопросу и о трудностях его применения в исследовании. Так, в процессе организации и проведения нами экспериментальных исследований с каузальной гипотезой о динамике ценностных ориентаций личности в условиях специально организованного обучения, определяемого как воздействие микросоциальной среды, выявлено наличие *противоречия между критериями валидности, заявленными для анализируемого типа эксперимента, и естественными условиями существования респондентов* (Дробышева, Журавлёв, 2004; и др.). Поскольку наиболее уязвимыми, с точки зрения репрезентативности выборки в социально-психологическом исследовании, являются «естественные», реальные группы, в процессе работы возникла проблема проведения рандомизации. Сложность достижения однородности выборки заключалась в том, что учебные группы невозможно рандомизировать до обучения, так как группа школьников из «естественной» становится «лабораторной». Подобная ситуация может возникнуть и в других исследованиях, где объектами становятся реальные группы или их представители. В нашем случае применялась «стратифицированная» рандомизация (объекты выбираются не из всей совокупности в целом, а лишь из ее частей, выделенных по определенным правилам). Тем не менее, проблема (или особенность), связанная с угрозой нарушения естественности жизнедеятельности самих испытуемых, типичная для такого вида исследования как естественный формирующий

эксперимент и определяемая как *невозможность (или ограниченность) применения рандомизации в ее классическом варианте*, существует.

Еще один факт, который выявлен в вышеупомянутой работе и на который необходимо обратить внимание, связан с тем, что *контроль взаимной интерференции экспериментальных воздействий непосредственно связан с конкретным видом деятельности и возрастом респондентов*. Так, в учебной группе школьников увеличение промежутка между «срезами», превышающее один год (с целью достижения высокого контроля) может сопровождаться изменениями возрастных характеристик испытуемых, что неизбежно будет приводить к снижению контроля за некоторыми источниками внутренней валидности.

Кроме того, рассматривая основное назначение в применении данного вида эксперимента для социально-психологических феноменов – изучение не только самой каузальной связи, но и системы ее детерминации, можно отметить, что далеко не все типы детерминант, а также причин и следствий, представленных в статистических терминах «переменных», мы можем учитывать. Речь идет о *дифференциации различного рода внешних переменных*. Так, выделяются те переменные, которые в большей степени могут быть проконтролированы, и те, полный контроль за которыми осложнен, снижен или невозможен совсем. Безусловно, совокупность таких переменных в каждом эксперименте будет отличаться в зависимости от его целей, задач, объектов и т. п. Однако следует признать, что в любом случае в социально-психологическом исследовании все эти внешние переменные по возможности их контроля не могут находиться в одинаковом положении. Из данного суждения вытекает требование ввести их группирование. Например, *полностью контролируемые* (пол, возраст, национальность респондентов и т. п.), *частично контролируемые* (социальные влияния, сопутствующие независимой переменной), *условно контролируемые* (контроль существует лишь по 2–3 позициям источников невалидности), *неконтролируемые* (те, контроль за которыми желателен для «чистоты» исследования, но практически невозможен по различным причинам). Последний вид переменных особенно необходимо выделять и учитывать в работе, хотя бы на стадии интерпретации полученных данных. Обозначив такой ряд переменных, исследователь аргументированно может планировать следующий эксперимент, в котором выделенные феномены могут быть представлены как независимые переменные.

Несмотря на вышеизложенные трудности применения естественного формирующего эксперимента в социально-психологическом исследовании, следует подчеркнуть, что они не снижают значимости метода в решении ряда задач социально-психологического исследования. Наоборот, осознание данных проблем, с нашей точки зрения, позволит наметить основные пути развития естественного формирующего эксперимента как метода социально-психологического исследования.

Литература

- Дробышева Т. В., Журавлёв А. Л. Исследование раннего экономического образования как фактора экономической социализации (на примере ценностных ориентаций) // Проблемы экономической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 412–444.
- Жуков Ю. М., Гржегоржевская И. А. Эксперимент в социальной психологии: проблемы и перспективы // Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 44–54.

- Забродин Ю. М. Психологический эксперимент: специфика, проблемы и перспективы развития // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: Наука, 1990. С. 16–30.
- Естественный эксперимент и его школьное применение / Под ред. А. Ф. Лазурского. Петроград: Издание К. Л. Риккера, 1918.
- Корнилова Т. В. Введение в психологический эксперимент. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Климов Е. А. «Естественный» и «социальный» эксперименты в психологическом исследовании // Методы исследования в психологии: квазиэксперимент / Под ред. Т. В. Корниловой. М.: Издат. группа «Форум»–«Инфра-М», 1998. С. 54–75.
- Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко; Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
- Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф. Системность в психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2007.
- Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. 3-е межд. изд. СПб.: Питер, 2001.
- Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007.

К ИСТОКАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. Н. Ждан

МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет психологии (Москва)
zhdan@list.ru

Воссоздается история становления и первоначального развития экспериментально-психологических исследований в Московском университете. Представлены материалы о деятельности первой психологической лаборатории, созданной при психиатрической клинике медицинского факультета (А. А. Токарский, 1895) на базе коллекции психометрических приборов, ранее приобретенных С. С. Корсаковым. Учреждение Психологического института завершает этап становления экспериментальной психологии в Московском университете.

Ключевые слова: психологическая лаборатория, Московский университет, экспериментальная психология, метод.

Становление экспериментальной психологии в Московском университете связано с деятельностью созданного при историко-филологическом факультете в 1885 г. Психологического общества. Оно явилось исторически первой организационной формой, в рамках которой происходило развитие психологии в Московском университете. В марте 1888 г. на заседании Общества выступил Г. И. Челпанов с докладом, посвященным пропаганде экспериментальной психологии (Челпанов, 1999). Он показал, что в России уже в конце 80-х годов среди психологов осознавалась научная важность экспериментального метода. Остановившись на исследовании

ях Вундтовской лаборатории, он указал на тот факт, что подобные лаборатории устраиваются или проектируются в университетах других стран и выразил надежду на то, что «успехи психометрии и русских психологов приведут к убеждению, что их «чистая лаборатория мозга» – это корабль без руля и компаса посреди безбрежного океана мысли... и в скромном сознании своего бессилия обратятся к натуралистам, попросят ввести их в тайники лабораторий, и только тогда соединенными усилиями они будут в состоянии создать что-нибудь такое, что можно будет в виде лепты положить на алтарь общечеловеческой науки» (Челпанов, 1999, с. 285). В 1890-х годах в Московском университете были сделаны важные шаги в разработке экспериментального метода в психологических исследованиях. В 1894 г. здесь состоялась защита докторской диссертации Н. Н. Ланге – основателя одной из первых лабораторий экспериментальной психологии в России (1896, Одесса). В качестве диссертации он представил книгу, в которой изложил результаты своих экспериментальных исследований восприятия и внимания (Ланге, 1893). На защите он выступил с докладом на тему «О значении эксперимента в современной психологии». Основная мысль его выступления заключалась в том, что «к изучению психологических проблем необходимо приложить тот точный эксперимент, который дал столь блестящие результаты в области естествознания, и что, сделав это, применяя к психологии эксперимент, мы можем возвести ее к такому совершенству, обратить ее в столь положительную науку, какой она еще никогда не была» (Отчет..., 2009, с. 475). Требованием времени назвал он необходимость учреждения кабинетов для экспериментальной психологии, указал на опыт университетов в ряде стран Европы и в Америке, показал важность результатов их деятельности, которых они достигли в области научных исследований и в повышении качества университетского преподавания психологии, и поставил вопрос о необходимости учреждения таких кабинетов при русских университетах. Защита превратилась в диспут о значении эксперимента. Один из официальных оппонентов врач-психиатр С. С. Корсаков высоко оценил исследование Н. Н. Ланге, выразил «полное сочувствие по поводу метода, которого... давно ждала психология» (Отчет..., 2009, с. 499). С. С. Корсаков также напомнил о том, что в России действует психофизиологическая лаборатория В. М. Бехтерева в Казани и в некоторых других университетах, сказал, что «есть приспособления для проведения психометрических исследований и в Москве» (Отчет..., 2009, с. 501): имелись в виду его собственные демонстрационные психологические опыты в процессе чтения курса по психиатрии. После диспута к вопросу о значении экспериментального метода обратился Н. Я. Грот, в те годы – председатель Московского психологического общества. 18 ноября 1895 г. на заседании Общества он выступил с докладом «Основания экспериментальной психологии» (Грот, 2009), опубликованным в этом же году в органе Психологического общества – журнале «Вопросы философии и психологии». Введение эксперимента для разрешения существенных психологических проблем Н. Я. Грот назвал «переворотом в судьбах психологии» (Грот, 2009, с. 104) и сформулировал положение о необходимости собственно психологического эксперимента, в отличие от психофизического и психофизиологического, каким он был у В. Вундта. Остановившись на вопросе о видах и особенностях собственно психологических экспериментов, Н. Я. Грот описал эксперименты в области ассоциаций представлений, произведенные им в 1884 г. в Новороссийском университете (Грот, 2009, с. 129–130).

Одной из первых в России была создана психологическая лаборатория при Психиатрической клинике медицинского факультета Московского университета

и в 1895 г., вошедшая в структуру этого факультета в качестве самостоятельного структурного подразделения. Предпосылки лаборатории восходят к 1887 г., когда была открыта Психиатрическая клиника. Ее первый директор психиатр А. Я. Кожевников приобрел психометрические приборы, сконструированные в Психологическом институте В. Вундта в Лейпциге. Преемник А. Я. Кожевникова на посту директора клиники С. С. Корсаков (1888–1900) пополнил коллекцию. Он использовал ее для демонстрации несложных психологических опытов в кратком психологическом разделе, который ввел в читаемый им на медицинском факультете курс по психиатрии. Практически состояние дел с психологическим оборудованием оставалось в том же положении до тех пор, пока в 1894 г. врач-психиатр А. А. Токарский, приват-доцент медицинского факультета, ученик С. С. Корсакова, страстный поборник экспериментального метода в науке, не начал читать курс экспериментальной психологии. А. А. Токарскому и принадлежит заслуга создания психологической лаборатории, руководителем которой он был назначен по представлению С. С. Корсакова. С. С. Корсаков передал в лабораторию собранные им инструменты. Под лабораторию были выделены специальное помещение, средства на библиотеку. Здесь были установлены приборы и сосредоточены все занятия со студентами по психологии. Новые инструменты приобретались в основном на частные средства руководителей – С. С. Корсакова, А. А. Токарского, позже – Ф. Е. Рыбакова, а также за счет случайных поступлений. Своеобразной формой открытия лаборатории считается выступление А. А. Токарского на заседании Московского психологического общества в 1895 г., активным членом которого он был с 1886 г.

По замыслу А. А. Токарского, лаборатория создавалась с учебными целями и предназначалась для ознакомления студентов с методами психологического эксперимента и проведения самостоятельных психологических опытов. Ее создание должно было способствовать совершенствованию университетского преподавания психологии, преобразованию его из чисто словесной передачи психологических знаний в форме лекций и семинаров – в процесс опытного исследования психических функций как средство их изучения в целях практической подготовки врачей-психиатров. На базе лаборатории А. А. Токарский проводил практические занятия по читаемому им курсу экспериментально психологии. Студенты должны были воспроизводить опыты, описанные в иностранной литературе (по указанным конкретным источникам), а также проводить новые эксперименты. Результаты обсуждались в лаборатории, подвергались анализу. Была выполнена серия работ по изучению ощущений, восприятия, памяти, времени реакции. Занятия в лаборатории вызывали у студентов большой интерес и побудили А. А. Токарского к созданию учебного пособия. В 1896 г. начали выходить «Записки психологической лаборатории», издававшиеся А. А. Токарским в виде отдельного приложения к журналу «Вопросы философии и психологии» и в том же году опубликованные также отдельным изданием (Токарский, 1896). «Записки» представляли собой летопись лабораторных работ и содержали следующие материалы: описания приборов и способов их использования (с добавлением списка справочной литературы – книг по физике, электротехнике и т. п.); изложение опытов, выполненных в лаборатории (в основном, студентами); информация о новых книгах, поступивших в библиотеку. Большое место отводилось теоретическим вопросам психологии, материалам о строении и функциях нервной системы (с элементами сведений о ее эволюции).

А. А. Токарский неоднократно и с неизменным успехом выступал на заседаниях Московского психологического общества, Общества невропатологов и психиатров

с докладами об экспериментальных занятиях, проводимых в лаборатории, доказывая, что введение экспериментального метода является средством вывести психологию на путь подлинно научного изучения психических явлений, позволит ей освободиться от бесплодных и произвольных гипотез, преодолеть метафизику и спиритуализм спекулятивной психологии. В основание истинно научного знания должны быть положены фактически обоснованные данные, полученные методом наблюдения и доказанные экспериментально.

После смерти А. А. Токарского (1901) психологической лабораторией стал руководить его помощник А. Н. Бернштейн (1901–1907) – также бывший ученик С. С. Корсакова, отец Н. А. Бернштейна. А. Н. Бернштейн читал в университете лекции и вел практические занятия по экспериментальной психологии для студентов медицинского факультета. В целях клинической диагностики нарушений психической деятельности разработал методику экспериментально-психологического обследования душевно больных. Созданный им способ исследования запоминания при помощи таблиц с геометрическими фигурами получил признание среди психологов, психиатров и педагогов (Бернштейн, 1908). Практическое использование этих методов он изложил в своих «Клинических лекциях о душевных болезнях» (1912). А. Н. Бернштейн неоднократно докладывал о разработанных им методах на Всероссийских съездах по педагогической психологии (1906, 1909) и экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916), организатором и активным участником которых он был. Деятельность А. Н. Бернштейна по защите и распространению экспериментальных методов выходила за рамки Московского университета. Так, им была создана психологическая лаборатория при Педологических курсах при Московском педагогическом собрании. Лаборатория публиковала «Труды психологической лаборатории при Московском педагогическом собрании» (1909, 1911).

После А. Н. Бернштейна в период 1907–1917 гг. психологической лабораторией в Московском университете руководил Ф. Е. Рыбаков – выпускник медицинского факультета. Он читал лекции по экспериментальной психологии с практическими занятиями в психологической лаборатории. Он разработал программу занятий по экспериментальной психологии в психологической лаборатории Психиатрической клиники (Рыбаков, 1916). Программа включала изучение осязательных, вкусовых, обонятельных, зрительных, слуховых ощущений, внимания, наблюдательности, памяти, внушаемости, суждений, воображения, сферы чувств, желаний, склонностей, движений, работоспособности. По собственной оценке Ф. Е. Рыбакова, руководимая им психологическая лаборатория, хотя, конечно, и уступает таким лабораториям, как вундтовская или К. Штумпфа, но вполне может удовлетворить запросы в психологии, основанной на точных данных. Составленный им «Атлас для экспериментально-психологических исследований» упоминает Б. В. Зейгарник как книгу, «вызвавшую большой интерес» (Зейгарник, 2000, с. 39). В 1917 г., после Февральской революции, Ф. Е. Рыбаков был уволен из университета.

Заведующим лабораторией с 1917 г. стал невропатолог и психиатр, активный сторонник экспериментального направления в отечественной психологии Г. И. Россолимо. Она вошла в руководимый им Неврологический институт им. А. Я. Кожевникова. Г. И. Россолимо продолжал совершенствовать свою методику психологических профилей (1910), вносил в нее поправки. При лаборатории был открыт амбулаторный прием для соматических и психологических исследований дефективных детей.

После открытия при Московском университете созданного Г. И. Челпановым Психологического института (1912), преемственно связанного с психологической

семинарией, созданной им же в 1907 г., сюда переместился центр экспериментальных исследований в Московском университете. Созданный Г. И. Челпановым курс экспериментальной психологии, опубликованный в 1909 г. в литографированном издании и в виде книги под названием «Введение в экспериментальную психологию» (1915), был, по оценке А. Н. Леонтьева, ученика Г. И. Челпанова, «первым и единственным пособием по психологическому практикуму на русском языке, лучшим среди аналогичных зарубежных изданий. С чисто дидактической стороны оно и до сих пор может считаться образцовым» (Леонтьев, 1967, с. 512). Институт издавал «Труды Психологического института» (Труды..., 1914). Здесь публиковались работы сотрудников Института по экспериментальному изучению реакций (К. Н. Корнилов), памяти (Н. А. Рыбников), типов представлений (В. М. Экземплярский) и др. В 1917 г. Психологический институт начал издавать специальный психологический журнал «Психологическое обозрение» (редакторы Г. И. Челпанов и Г. Г. Шпет). Вышли два тома (каждый состоял из двух книг). В 1918 г. издание прекратилось. Значительное место в журнале занимали статьи по экспериментальной психологии.

Глубокий анализ деятельности Психологического института и проводимых в нем экспериментальных исследований дала П. О. Эфрусси (Эфрусси, 1923), отметив, что здесь «теоретические экспериментальные исследования впервые поднялись на ступень, соответствующую уровню ее развития в других культурных странах (Эфрусси, 1923, с. 7). Она назвала «блестящими результаты работы Г. И. Челпанова и Психологического института при Московском университете» (Эфрусси, 1923, с. 15).

Так, в XX в. Московский университет превратился в крупный центр экспериментальной психологии в России.

Литература

- Бернштейн А. Н.* Экспериментально-психологическая методика распознавания душевных болезней. М., 1908.
- Грот Н. Я.* Основания экспериментальной психологии // Российская психология. Антология / Сост. А. Н. Ждан. М., 2009. С. 103–137.
- Зейгарник Б. В.* Патопсихология. М., 2000.
- Ланге Н. Н.* Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса, 1893.
- Леонтьев А. Н.* Психология // Московский университет за 50 лет советской власти. М., 1967.
- Отчет о докторском диспуте Н. Н. Ланге // Российская психология. Антология / Сост. А. Н. Ждан. М., 2009. С. 474–515.
- Психологическое обозрение. М., 1917. Т. 1. Кн. 1, 2; 1918. Т. 1. Кн. 3, 4.
- Рыбаков Ф.* Записки психологической лаборатории Психиатрической клиники // Труды Психиатрической клиники Моск. ун-та / Под ред. Ф. Е. Рыбакова. М., 1916. Вып. 3. С. 401–417.
- Токарский А. А.* Записки психологической лаборатории Психиатрической клиники Императорского Московского университета. М., 1896. Вып. 1–5.
- Труды Психологического института им. Л. Г. Шукиной при Императорском Московском университете. М., 1914. Т. 1. Вып. 1–2.
- Челпанов Г. И.* Общие результаты психометрических измерений и их значение для психологии // Г. И. Челпанов. Психология. Философия. Образование. М.–Воронеж, 1999. С. 255–285.
- Эфрусси П. О.* Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве. 10–15 января 1923 г. Пг., 1923.

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. В. Корнилова

МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва)

tvkornilova@mail.ru

В докладе рассматриваются современные тренды в изменениях методов психологических исследований, которые отражают движения как в плане статистических выводов, так и содержательных интерпретаций; улучшения контроля как в классических, так и в новых – качественных – типах исследований; внимание к модельным спецификациям изучаемых процессов как на уровне теории, так и в формальном представлении связей между психологическим переменными.

Ключевые слова: экспериментальная парадигма, мета-анализ, качественные исследования, структурное моделирование.

В психологических исследованиях взаимосвязи планирования (как выбора метода и схемы) с типом проверяемых гипотез, последующими способами обработки данных и контролем выводов изменяются как в связи с развитием логики статистических решений, так и в связи с конкретизациями (спецификацией) самих гипотез, предполагающих то или иное теоретическое или модельное обоснование. Можно выделить следующие общие тенденции.

1 Изменения в отношении статистических средств и формального планирования

1.1. Изменяется отношение к *ограничениям* при использовании статистических выводов. Для экспериментов с малым n уже давно обосновано, что нет необходимости оценивать равенство дисперсий при проверке гипотез о равенстве выборочных средних (Гласс, Стэнли, 1976). В современных руководствах по статистической обработке эмпирических данных применение новых методов анализа больше не предполагает требований континуального, равноинтервального или нормального распределения психологических переменных (Schinka, Velicer, Weiner, 2004). Более сложная статистика позволяет обходить эти и ряд других ограничений. Это помогает психологам при исследовательской работе с малыми выборками и все более широким арсеналом используемых методик.

1.2. Разрабатываются все более конкретные гипотезы, предполагающие выделение *ключевых переменных* и предполагаемых *базисных процессов*, это приводит к необходимости развития репертуара *психологических измерений* (measures). Повышается качество и сложность измерительных моделей. Соответственно, в ответах на вопросы о том, что стоит за измеряемыми переменными, большую роль приобретает контроль соотношения технологического и содержательного (интерпретационного) обоснований. Тем самым все меньше остается места для ошибок «пропущенных звеньев».

1.3. Место традиционных описательных обзоров при постановке проблемы и выявлении новых исследовательских задач начинают занимать метааналитические исследования, существенно подкрепленные сегодня разработкой стратегий поиска средних взвешенных эффектов (Корнилов, Корнилова, 2010). *Метаанализ* как новое средство интеграции и обобщения результатов психологических исследований

требует владения новым программным обеспечением, а не только эрудицией. Он требует также усилий по систематическому обобщению новых результатов в связи с уже накопленной базой знаний. Тем самым существенно раздвигаются рамки коммуникаций внутри научного сообщества.

2 Усиление конструктивного аспекта в построении связи между способами сбора данных и контролем за выводом

2.1. Использование новых методов обработки данных имеет ярко выраженную тенденцию развития *моделирующего подхода* в психологии. При этом существенным является изменение в типах психологических гипотез, изменяющихся в соответствии с новыми возможностями работы с получаемыми в эмпирическом исследовании базами данных.

2.2. С последним связано, в частности, расширение рамок выводов на основе корреляционного исследования. Приближение к причинному выводу на основе корреляционных данных первоначально также включало множество ограничений (Корнилова, Шуранова, 1987). В современных вариантах *структурного моделирования* метод достаточно открыт разнообразию переменных (включая качественные), допускает работу с пропущенными данными, а главное предполагает разные варианты понимания латентных переменных. Структурное моделирование, базирующееся на разведении связей между измеренными переменными (что представлено в корреляционном подходе) и связи измеренной переменной с предполагаемой латентной (что выступает предпосылкой моделирующего подхода), позволяет в анализ данных, собранных при корреляционном подходе, вводить предположения о связях между латентными переменными и учитывать направленность связей.

2.3. Моделирующий подход, реализуемый, в частности, средствами структурного моделирования, снимает ранее жесткие перегородки (различия) между разными методами, в частности психологического эксперимента и психодиагностики. Это происходит в связи с введением *латентных переменных* в качестве опосредствующих как представление о независимых и зависимых переменных при экспериментировании, так и соотнесение измеряемых конструктов с множественными психологическими переменными при варьировании выборок (и соответственно источников межличностных различий).

Основное отличие средств структурного моделирования – возможность генерализации отношений между переменными. При этом для латентных переменных, входящих в модели, нет общего определения (Vollen, 2002). Латентные переменные, согласно обзору этого автора, представляют определенный уровень абстракции, позволяющий, скорее, описывать отношения между классами событий или эмпирических переменных, у которых есть что-то общее, нежели делать конкретные утверждения об отношениях между специфическими переменными. В литературе они представлены и как гипотетические конструкты, и как идеальные конструкты, которые в принципе никогда не могут быть измерены, и как фактор, объединяющий группу объектов (с общей нагрузкой на этот фактор).

В качестве гипотетических конструктов они позволяют конкретизировать гипотезы об экспериментально изучаемых базисных процессах, подкреплять предположения о психодиагностических конструктах (латентная переменная как измеряемая теми или иными шкалами психодиагностической методики), а на основании учета неравенства коэффициентов регрессии (предсказания одной переменной по значениям другой) сопоставлять модели с разнонаправленными связями (при единой

исходной матрице интеркорреляций) на основе учета коэффициентов регрессии и показателей пригодности моделей.

3 Изменяются горизонты содержательного планирования в отношении к миру психологических теорий

3.1. Следует учитывать не только указанную выше связь конструкторов с направленностью построения эмпирической части исследований, но и становящуюся все более очевидной автономность мира психологических теорий.

В докладе на примере применения структурного моделирования будет показано, как взаимодействует заданный предпосылками и возможностями этого метода новый контекст понимания того, что может полагаться за латентными переменными и их взаимосвязями в психологии, что ведет к возможности формулирования новых типов гипотез (о соотношении креативности, толерантности к неопределенности, эмоционального интеллекта и других личностных предикторов выбора).

3.2. Усиливается внимание к *содержательным этапам планирования* эмпирических исследований, что выдвинуло на первый план «construct-driven» («ведомые конструкторами» или «теориями») исследования. *Конструктор* определяется множеством наблюдаемых переменных и рассматривается как более надежный и генерализируемый, чем *наблюдаемая (операционализованный методикой) переменная*. Предположения о взаимосвязи между конструкторами (а не эмпирическими, измеренными переменными) позволяют организовать огромные наборы наблюдаемых переменных. При этом во многом преодолевается критикованный ранее эмпиризм, так как подходы, основанные на теориях (theory-based), направляют построение схем (дизайн исследования), выбор переменных, анализ данных и их интерпретацию.

3.3. Вместе с тем более четкими становятся ограничения формальных схем в отношении к пониманию психологической регуляции.

Это относится в первую очередь к пониманию психологической регуляции как осуществляемой множественными процессами, оформляемыми в функциональные иерархии. Предполагаемые структурные модели не могут быть соотнесены с гипотезами о динамических иерархиях и фокусируют, скорее, предполагаемые типы отношений между переменными, реализация которых в каждом индивидуальном случае остается неизвестной.

Так, обосновываемое на уровне психологической теории представление о *динамических регулятивных системах* как образованиях, складывающихся в актуалгенезе интеллектуальных стратегий и отражающих взаимодействия когнитивных и личностных составляющих единой смысловой регуляции мышления, получает богатое экспериментальное подкрепление (Корнилова, Смирнов, 2002; Корнилова, 2005), но формально может быть представлено лишь в виде типов схем, в которых разные процессы выдвинуты на ведущие уровни. При этом нет методов, которые учитывали бы динамику этих (или других) новообразований в актуалгенезе решения проблем или принятия решений.

3.3. Схемы научных представлений все более учитывают функциональную роль используемых конструкторов в решении задач психологической практики (при этом нужно помнить, что функциональная роль не тождественна предположениям о динамике процессуальной регуляции).

Развитие новых типов психологической практики в областях, связанных с поддержкой, например индивидуальных стратегий работы с информацией в комплексной экспертизе нововведений, социоэкономических решений и т. д. изменяет

отношение как к используемым психологическим понятиям, так и практическим применениям научных моделей. Так, понятие *intelligence* не связывается в исследованиях прикладной направленности с более привычными для психологии понятиями интеллекта, интеллектуальных стратегий или основы персональных решений, а приобретает статус «осведомленности», преобразованной человеком информации (Longford, 2009). В контексте оказания поддержки в преодолении неопределенности человеком фокус внимания переносится с диагностического аспекта (диагностики интеллектуального потенциала) на динамический (как процессуально формируемые схемы). Осведомленность как продукт и процесс включаются при этом в иные схемы понимания, чем при академическом подходе.

4 Существенным шагом вперед стало развитие представлений о валидации качественных исследований в психологии

4.1. Реализация новых путей исследования – в социальных науках и в психологии – на основе философско-методологического анализа понимания как процесса диалогичного, интерпретативного, устанавливающего смыслы, а не истины, привела к возникновению и развитию междисциплинарного направления, обозначающего определенным образом отличие гуманитарного знания и называемого *методологией качественных исследований*. Как экспериментальная парадигма объединила предметно совершенно разные направления изучения психологической реальности, поставив по главу угла нормативы познания, соответствующие классическому идеалу рациональности, так и качественные подходы – при всем их разнообразии – можно считать образующими специальную исследовательскую парадигму.

Междисциплинарная направленность, первенство роли субъекта в реконструкциях, диалогичность, ценностные приоритеты – эти и ряд других свойств позволяют рассматривать качественные исследования как проявление этапа постнеклассической стадии развития науки. И это ставит задачу интеграции их в едином поле психологических методов.

О роли методологии нарратива как соединяющего причинно-следственное объяснение со смысловыми контекстами понимания говорилось в последние годы многократно. Не описание объективных законов, а приписывание смыслов человеку – в соответствии с контекстом культурных смыслов – отличает нарративную психологию, истоки которой связываются с работами Дж. Келли, Дж. Брунера и др., а также в определенном аспекте с культурно-исторической психологией. Поворот в современной ситуации связан с выделением технологий валидации качественных исследований.

4.2. Неправомерно формулировать методологию *качественных исследований* как противостоящую *количественному* подходу. Если с последним связывать только психологическое измерение, то область использования количественных оценок при верификации гипотез необоснованно сужается. Если иметь в виду классические методы психологии, то это грубая ошибка – связывать экспериментальную парадигму только с количественным подходом. Так называемая *экспериментальная парадигма* реализуется применительно как к качественным, так и количественным переменным; при этом в любом случае реконструируются качественные базисные процессы, представляющие в исследовании изучаемую психологическую реальность. И гипотетико-дедуктивная логика каузального вывода никак не может быть сведена к какой-то «количественной методологии».

«Качественные исследования» как название привнесено из социологии и современных вариантов развития феноменологии и герменевтики. В социальных исследованиях «количественные» методы касаются статистического оценивания разброса переменных, но никак не экспериментальной методологии. Название «качественные» фиксирует определенную направленность поворота к методологии описания и понимания, получившую поддержку в указанных философских направлениях. Однако качественные этапы исследования имели и самостоятельное значение как включенные построения данных в системе классических методов психологии (наблюдение, беседа, анализ индивидуального случая, качественный эксперимент и т. д.). Овладение технологиями современных качественных методов, а точнее переоткрытие психологами качественной методологии, требует изменения типа психологического мышления, его большей рефлексивности и критичности к процедурам и интерпретациям, открытости другим взглядам.

Таким образом, новые тренды отражают и способы статистической оценки гипотез, и предпочтения в используемых методах; общей же выступает интегративная линия (метаанализ, моделирование, соотнесение качественных и количественных способов и т. д.).

Литература

- Гласс Дж., Стэнли Дж.* Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976.
- Корнилов С. А., Корнилова Т. В.* Мета-аналитические исследования в психологии // Психологический журнал, 2010. Т. 31. № 5. С. 5–17.
- Корнилова Т. В.* Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 7–17.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Группировки мотивационно-личностных свойств как регулятивные системы принятия решений // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 73–83.
- Корнилова Т. В., Шуранова О. И.* Корреляционные исследования: пути приближения к причинному анализу // Вестник Московского ун-та. Серия IV. Психология. 1987. № 4. С. 58–64.
- Bollen K.* Latent Variables in Psychology and the Social Sciences // Annual Review of Psychology. 2002. № 53. P. 605–634.
- Longford S.* Uncertainty in Decision-Making: Intelligence as a solution // Uncertainty and Risk. Multidisciplinary Perspectives / Ed. by Bammer G., Smithson M. London: Earthscan, 2009. P. 219–230.
- Schinka J. A., Velicer W. Y., Weiner I. B.* (Eds). Comprehensive Handbook of Psychology. V. 2. Research Methods in Psychology. N. Y.: Wiley, 2004.

УРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ЭМПИРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ПСИХОЛОГИИ

В. А. Мазиллов

Ярославский государственный педагогический университет

v.mazilov@yspu.yar.ru

На основе проведенного историко-методологического исследования определяется роль методов в становлении научной психологии, предложено обоснование положения, согласно которому метод обуславливается предтеорией и имеет уровневое строение: могут быть

выделены идеологический, предметный и операциональный уровни. Проверка показала, что подобное строение метода является универсальным и характерно для психологии более поздних периодов.

Ключевые слова: метод, предтеория, самонаблюдение, эксперимент, уровень метода.

Историко-методологический анализ свидетельствует, что обоснование психологии как науки и выделение психологии в самостоятельную дисциплину – различные вопросы, имеющие разные корни и разную логику. В середине XIX столетия они оказались объединены, поскольку отделение от философии явилось средством обоснования научности в глазах научного сообщества. Исследователи конца XVIII – начала XIX столетия не помышляли о выделении психологии в самостоятельную, независимую от философии науку. Они представляли ее себе как философскую дисциплину (раздел прикладной метафизики). Соответственно, психология была лишь разделом философии и не использовала самонаблюдения в качестве эмпирического метода. Вопрос о выделении психологии из философии в самостоятельную дисциплину возникает значительно позднее и порождается он не только внутренними процессами в самой психологии, а тесно связан с ее «внешней» историей. Важнейшим фактором, повлиявшим на выделение психологии из философии, явилось широкое распространение и большая популярность позитивизма. В соответствии с кантовским законом «трех стадий», психологии для того, чтобы стать наукой, необходимо было разграничиться с метафизикой (философией). Иными словами, психология для того, чтобы стать наукой (в первую очередь, в глазах научного сообщества), должна была обрести самостоятельность (независимость от философии). Эта работа по обоснованию выделения психологии была выполнена В. Вундтом. Психология стала элементаристской, эмпирической дисциплиной, основанной на самонаблюдении. Метод эксперимента реально использовался как вспомогательный. Использование эксперимента имело решающее значение для «внешней» истории выделения, поскольку в середине XIX столетия слово экспериментальный означало безусловную «принадлежность к науке». Поэтому Вундт акцентировал «экспериментальный» характер физиологической психологии, хотя и признавал ограниченность эксперимента в психологии. Тем самым оказалась выполненной кантовская «двойная программа», поскольку Вундт использовал именно физиологический способ обоснования (Мазилев, 1998).

Методологический анализ показывает: психология как самостоятельная дисциплина была конституирована методом научной интроспекции, который был основным методом научной психологии: для того, чтобы говорить о том, что научная психология была создана методом эксперимента, который заменил интроспекцию, нет оснований. Более того, научный эксперимент и научная интроспекция появляются в психологии фактически одновременно, поэтому о «смене» одного метода другим говорить не приходится уже по этой причине.

Историко-методологическое исследование показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных модификациях (В. Вундт, Ф. Brentano, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об *уровневом строении метода*. Необходимо

различать *теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема*. Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение *предмета исследования*. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой *предмета психологии* в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *опредмеченной проблемой*. В психологии возможно несоответствие декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда опредмеченная проблема соотносится с *моделирующими представлениями*. Например, «мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения и т. д. Опредмеченность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет – непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе *базовой категории*. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия *структура, функция, акт, процесс*. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема – способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. (Показано, что в рассматриваемый период существовали возможности уровняго и генетического анализа, но реализованы не были.)

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки – сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (рисунок 1).

Можно говорить, по меньшей мере, о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, т. е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминируется

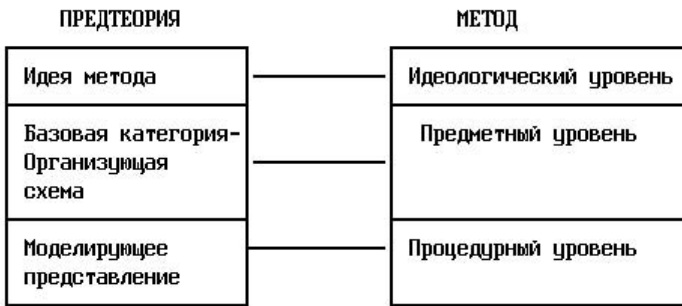

Рис. 1. Схема соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода

пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как предметный. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержаний опыта, на фиксацию актов и т. п. Этот уровень определяется таким компонентом предтеории, как «базовая категория» – «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т. е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории, как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т. п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т. п.).

Метод представляет собой целостное образование, в котором, тем не менее, может быть выделено несколько уровней. В исследовании выявлено, что метод в психологии в рассматриваемый исторический период имеет уровневое строение. В методе можно выделить, по меньшей мере, три уровня (идеологический, предметный, процедурный). Идеологический уровень характеризует общую ориентацию исследования (направленного на изучение либо самосознания, либо поведения), предметный раскрывает подход к предмету изучения как содержательному (определяемому через его структурные, функциональные, процессуальные и т. д. свойства) и сводящий предмет изучения к конкретной модели, имеющей какое-либо наглядное содержание («замыкаемое» на конкретную ситуацию). Процедурный уровень определяет последовательность конкретных исследовательских процедур и конкретных методических приемов, направленных на получение необходимого эмпирического материала. Особенно важно, что может быть установлено соответствие между компонентами предтеории и уровнями метода (идеологическим,

предметным, процедурным). Выявлено, что идея метода определяет идеологический уровень, базовая категория и организующая схема – предметный, моделирующие представления – процедурный уровень метода.

Проведенное исследование позволило в значительной степени по-новому рассмотреть вопрос об инвариантности – вариативности психологического метода. Основой такого понимания является рассмотрение метода как имеющего уровневое строение. Поскольку название метода обычно связано с идеологическим уровнем, становится понятно, что, ограничиваясь только этим уровнем, мы лишаемся возможности понять специфику той или иной разновидности метода. В частности, выделение метода «классической интроспекции» (Э. Боринг) не позволяет раскрыть своеобразие интроспективных процедур в разных психологических направлениях. Иными словами, как инвариантный метод выступает только на идеологическом уровне, тогда как на предметном и процедурном является вариативным.

Проведенное исследование позволило уточнить вопрос о «нормативности» – «дескриптивности» эмпирического метода в психологии. Выявлено, что метод по-разному выступает на разных уровнях, что способствует появлению разноречивых оценок: на идеологическом уровне метод предстает как нормативный, тогда как на предметном как дескриптивный.

Исследование позволило дать достаточно определенный ответ на вопрос о соотношении эмпирических методов в психологическом исследовании. В психологии достаточно распространена ситуация, когда в исследовании одновременно используется несколько эмпирических методов. Известны многочисленные дискуссии о том, можно ли считать использование метода эксперимента критерием появления собственно экспериментальной психологии. Уровневое представление о методе позволяет дать однозначный ответ: ведущий метод обязательно представлен на идеологическом уровне, дополнительный метод «взаимодействует» с ведущим, дополняет его на предметном и процедурном уровнях. Таким образом, появляется возможность разграничить ведущий и вспомогательный (дополнительный) методы.

Дополнительные исследования показали, что уровневое строение метода представляет собой универсальную характеристику метода: в психологических концепциях более позднего периода уровневое строение метода также наблюдается.

Остановимся еще на одном важном вопросе – на предыстории экспериментального метода. В физиологической психологии В. Вундта эксперимент использовался лишь как вспомогательное средство, позволяющее контролировать и стандартизировать самонаблюдение, остававшееся основным методом. Тем не менее Вундт полагал, что физиологическая психология может называться экспериментальной (для того чтобы отличать ее от тех концепций, которые используют только самонаблюдение). Вундт придавал таким замечанием большое значение, поскольку использование метода эксперимента являлось своего рода гарантией «научности» и отвечало на известное критическое замечание Канта в адрес эмпирической психологии. Необходимо отметить, что Вундт постоянно подчеркивал «психофизиологичность» эксперимента и его ограниченную роль для психологии в целом (Wundt, 1874, 1902). Г. Фехнер, которого часто называют создателем экспериментальной психологии (Фресс, 1966; и др.), на самом деле психологом не был, поэтому создание психологии как самостоятельной дисциплины его не занимало. Г. Фехнер использовал психофизические измерения как средство обнаружения уравнения, верно отражающего отношения между душой и телом. Психофизика, обоснованная Фехнером как средство решения глобальной философской проблемы, была переосмыслена

Вундтом (Фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено, сама психофизика стала интерпретироваться в духе психофизиологического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался концепции тождества). Последнее обстоятельство служит убедительным доказательством того, что психофизика была включена Вундтом в состав физиологической психологии, а психофизические методы применены к исследованию другого научного предмета. Заслуга Фехнера (перед научной психологией) в том, что психофизические методы были использованы как средство измерения определенных психических явлений. Такое использование эксперимента было продолжено Г. Эббингаузом (Ebbinghaus, 1885). Другим предшественником экспериментальной психологии был Г. Гельмгольц. Гельмгольц также не был психологом, вопросы собственно психологии его мало интересовали, но он для решения конкретно-научных физиологических задач использовал технику функционального эксперимента: установление зависимости какого-либо явления от определенного фактора, т. е. выяснение функциональной связи переменных.

Литература

- Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
- Мазиллов В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль: МАПН, 2002.
- Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966. С. 15–98.
- Ebbinghaus H. Ueber das Gedachtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.
- Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.
- Wundt W. Einführung in die Psychologie. Leipzig: Voigtlander, 1911.
- Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. 5 Aufl., völlig umgearb. Leipzig: Engelmann, 1902. Bd. 1. XV; Bd. 2. VIII. Bd. 3. IX.

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ: РОЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТА И САМОНАБЛЮДЕНИЯ

В. А. Мазиллов, Е. А. Голубкова

Ярославский государственный педагогический университет
v.mazilov@yspu.yar.ru

На основе проведенного историко-методологического исследования прослеживается роль самонаблюдения и интроспекции в становлении научной психологии. Утверждается, что научная психология была конституирована методом научной интроспекции. Рассматриваются формы сосуществования самонаблюдения и эксперимента на ранних этапах развития научной психологии.

Ключевые слова: метод, научная психология, самонаблюдение, эксперимент.

Проведенный методологический анализ позволил выделить несколько качественно различных форм метода интроспекции. Выделены следующие формы

интроспекции: 1) философская интроспекция; 2) интроспекция в философской (эмпирической) психологии; 3) интроспекция в научной психологии. Показано, что научная интроспекция могла возникнуть только благодаря опыту предшественников: работы Г. Гельмгольца могут послужить хорошим примером. Подготовительный этап сделал возможным использование метода самонаблюдения как научной интроспекции. Характерным отличием научной интроспекции является ее теоретическая «нагруженность» (у Гельмгольца она была научно-физиологической, поскольку он не был психологом и решал свои конкретно-научные задачи). Этот метод был использован Вундтом, но поскольку последний пытался обосновать новую «область знания» (Wundt, 1874) – физиологическую психологию, то был переосмыслен: физиологическая нагруженность заменилась на психологическую.

Использовавшиеся психологами варианты метода самонаблюдения несут на себе печать теперь уже психологической нагруженности. Анализ метода самонаблюдения в концепциях В. Вундта, Ф. Brentano, Г. Эббингауза, Э. Титченера, О. Кюльпе, Н. Аха, У. Джемса и др. позволил обнаружить следующее: при том, что идея метода является общей во всех анализируемых подходах, собственно метод и конкретные технические процедуры получения эмпирических сведений существенно различаются. Различия столь значимы, что ни о каком этапе классической интроспекции, как это полагал Э. Боринг (Boring, 1953), говорить не приходится. Так, согласно В. Вундту (Wundt, 1874), интроспекция должна применяться в сочетании с физиологическим экспериментом. Стандартизованная процедура эксперимента позволит сделать интроспекцию более систематической, упорядоченной, приблизив тем самым к идеалу строгого научного метода. Интроспекция должна направляться на постижение структуры непосредственного опыта, описывать элементы, из которых построено сознание. Ф. Brentano полагал, что интроспекция должна быть направлена на фиксирование актов сознания. Задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не содержание сознания, а связанные с ним акты. Последние должны описываться испытуемым целостно. С точки зрения Brentano, принятая в лабораториях В. Вундта интроспекция искажает реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе. По Brentano, интроспекция должна изучать сознание в его «целостности» и «доподлинности», предполагающей выявление интенции. Э. Титченер считал, что интроспекция должна быть аналитической, направленной на изучение структуры сознания. Обычное самонаблюдение легко впадает в «ошибку стимула», которая выражается в смешении психического процесса с наблюдаемым объектом. Научно-психологический анализ следует очистить от предметной направленности сознания. Для этого необходимо изгнать из языка интроспекции «значение» и говорить исключительно об элементах, из которых складывается опыт. В Вюрцбургской школе интроспекция использовалась в форме систематического экспериментального самонаблюдения. Метод систематического экспериментального наблюдения состоял в том, испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности. Широко использовались специальный метод перерыва, ретроспекция. Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, включая подготовительные этапы. У. Джемс считал: в интроспекции должны открываться не «элементы сознания», не его «атомы», а целостности – «поток сознания».

За этим разнообразием вариантов одного метода скрывается важная проблема. В психологии конца XIX в. ее называли проблемой интроспективного апперци-

пирования. Возникновение научной интроспекции было связано с выделением особого «пласта» сознания, подлежащего описанию и анализу. Иными словами, возникновение психологии как науки связано с выделением специфического научного предмета. До Вундта предмета научной психологии просто не существовало, ибо он принципиально не отличался от философского. Вундт сделал предметом психологии непосредственный опыт. Сразу же возникла задача различения внутреннего восприятия и интроспекции как более строгого и направленного метода. Именно на этом этапе можно говорить о возникновении научной интроспекции как эмпирического психологического метода. К интроспекции как научному методу разными авторами предъявлялись различные требования: их строгость была различной. Ограничения происходили по двум направлениям: содержательному и временному. В первом случае выделялся определенный аспект анализа: Brentano требовал, чтобы описывалось не содержание опыта, но сами акты. Титченер полагал, что обращение к предметной стороне сознания является «ошибкой стимула», поэтому требовал от интроспекции описания именно характеристик психических явлений. Во втором случае речь шла об использовании ретроспекции. Здесь исследователи были более единодушны: возможность ретроспекции в структуре интроспекции была признана еще Д. С. Миллем (1845). Собственно говоря, «чистая» интроспекция была теоретически возможна лишь у Вундта, когда задания имели достаточно элементарный характер, предполагающий описание в «момент совершения». Усложнение заданий и особенно обращение к описанию в самонаблюдении не структуры, а функции сделало ретроспекцию необходимым (даже основным) методом. В Вюрцбургской школе это предполагалось самой методикой систематического экспериментального самонаблюдения (закончив очередной этап, испытуемый должен был описать все происходившее). Впрочем, и Титченер, который в теории признавал ограниченное значение ретроспекции, на деле использовал ретроспекцию очень широко (для описания воздействия стимула, занявшее 1,5 секунды, требовался зачастую двадцатиминутный ретроспективный отчет). Естественно, что для того, чтобы получить необходимые для исследователей отчеты, требовался устойчивый навык. Все научные психологи, использовавшие метод интроспекции, настаивали на том, что испытуемый должен быть «тренированным» (в вундтовской лаборатории испытуемого, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не считали надежным источником информации). Тренировка была необходима, чтобы научиться описывать именно то, что представляет для этих психологов максимальный интерес. В Вюрцбурге акцент был сделан на теоретической подготовке испытуемого: там испытуемыми были в основном профессора психологии. Не случайно, что в ходу был термин «редактирование протоколов»: теоретическая подготовка исследователя избавляла от необходимости длительных упражнений.

Проведенный анализ показывает, что в рамках так называемой интроспективной психологии могут быть выделены и описаны различные варианты метода. При том что идея метода остается общей, наблюдаются ярко выраженные различия, которые касаются как содержания метода, так и конкретных процедур. В аспекте содержания могут быть выделены такие разновидности: структурная интроспекция (Вундт, Титченер), самонаблюдение акта (Бrentано), функциональное самонаблюдение (Бэн, Эббингауз, Джемс), процессуальное самонаблюдение (Вюрцбургская школа). При этом несомненно более тонкие различия: Вундт более либерален к «ошибке стимула», чем Титченер; поток сознания менее специфичен, чем направленность

на решение определенной задачи и т. д. Сами исследовательские процедуры являются производными от определенной модели изучаемого психического явления.

В целом можно констатировать, что исследование использования метода интроспекции в первые десятилетия развития научной психологии позволяет сделать следующие выводы:

- 1) само возникновение научной психологии было конституировано не методом эксперимента, а методом интроспекции (если позволительно отделять метод от других факторов);
- 2) сам метод интроспекции в научной психологии приобрел характерную специфику, выражающуюся в теоретической нагруженности;
- 3) могут быть выявлены и описаны различные варианты метода интроспекции, использовавшиеся исследователями в этот период;
- 4) эти варианты различаются в первую очередь направленностью на исследование структуры, функции, специфики акта или протекания процесса;
- 5) эти варианты метода различаются спецификой технических исследовательских процедур;
- 6) исследовательские процедуры, используемые ученым, зависят от модели изучаемого явления (изучается течение, взаимосвязь представлений; направленность на достижение определенной жизненной цели; решение задачи и т. д.);
- 7) использование метода эксперимента имеет на первых этапах развития научной психологии чисто вспомогательный характер, роль ведущего метода принадлежит интроспекции.

Действительно, развитие психологии свидетельствует, что общим в рассмотренных подходах является идея метода: восприятие собственных переживаний для доставления «описательного материала для науки как системы» (Кравков, 1922), тогда как реально описываются испытуемым либо структура, либо акт, либо функция, либо процесс. Сами технические исследовательские процедуры и предлагаемые испытуемым задания определяются характером представлений ученого об изучаемом феномене: для того, чтобы исследовать процесс, необходимо либо использовать достаточно сложные задания, требующие определенного времени для выполнения, либо вводить искусственные ограничения или помехи (например, прием «прерывания») для фиксации этапов процесса. Характер заданий, получаемых испытуемыми, которые должны были заниматься интроспекцией, также способствовал описанию именно того, что предполагалось изучать: элементарные задания практически исключают возможность изучения процесса (но позволяют вычлнить структурные элементы), для этого нужны более или менее сложные задачи; изучение функции предполагает получение какого-то осмысленного, более или менее завершеного результата и т. д. Инструкция, даваемая испытуемому, вопросы, которые ему задаются, – все «работает» на то, чтобы создать у испытуемого установку на описание того, что соответствует «теоретическим» ожиданиям.

Анализ использования метода эксперимента в психологии периода становления как самостоятельной науки показал, что этот метод имел весьма ограниченное значение (Мазилов, 1998). В физиологической психологии В. Вундта эксперимент использовался лишь как вспомогательное средство, позволяющее контролировать и стандартизировать самонаблюдение, остававшееся основным методом. Вундтом были разработаны специальные требования к проведению эксперимента:

- 1 Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.
- 2 Наблюдатель должен, насколько возможно, схватывать явления напряженным вниманием и проследживать таким вниманием их во время протекания.
- 3 Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторять при одинаковых условиях.
- 4 Необходимо планомерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Традиционно считается, что важнейшим этапом в развитии экспериментальной психологии являются исследования Г. Эббингауза о памяти. Стоит обратить внимание на то, что сам Эббингауз придавал измерению и эксперименту вспомогательное значение. Эббингауз полагал, что психология как дисциплина создается самонаблюдением и наблюдением, в более поздней работе (Ebbinghaus, 1902) изложение экспериментальных результатов попадает в раздел «О частностях» и получает интерпретацию с позиции общих представлений о сознании. В исследовании памяти (Ebbinghaus, 1885) метод эксперимента используется для решения конкретного вопроса, а именно выполняет функцию измерения поведенческих характеристик.

В исследовании Н. Н. Ланге (Ланге, 1893) метод эксперимента используется для проверки предварительно сформулированных гипотез. Исследование Н. Н. Ланге представляет значительный интерес, поскольку русский психолог – впервые в научной психологии – использует реинтерпретацию эмпирических данных. Н. Н. Ланге при исследовании «закона перцепции» исходил из данных, полученных сотрудником Вундта Л. Ланге. У Н. Н. Ланге происходит важное изменение: Л. Ланге проводил свое исследование как направленное на изучение структуры сознания, что позволило зафиксировать наличие в сознании двух различных феноменов: сенсорной и моторной установок, русский психолог подошел к исследованию этих феноменов с точки зрения схемы процесса, что позволило рассмотреть эти явления как разные фазы одного процесса. Для нашего исследования это важно потому, что ясно демонстрирует: одни и те же психические феномены могут быть интерпретированы с помощью различных схем.

Новым этапом является использование метода эксперимента в Вюрцбургской школе. Там он выступает в новом качестве. Впервые метод эксперимента используется для изучения мышления. Первоначально освоение новой области происходит с помощью традиционной схемы, которая широко использовалась в Лейпциге у Вундта, предполагавшей структурный анализ содержаний сознания. Это позволило обнаружить содержания сознания, имеющие несенсорный, «безобразный» характер (положения сознания). Обнаружение феномена задачи (Watt, 1905) позволило перейти к изучению мыслительного процесса. Этому способствовало использование метода систематического экспериментального самонаблюдения, предполагавшего выделение этапов и последовательное максимально подробное описание происходящего на каждом этапе. Показательно, что к схеме процесса обратились далеко не все представители Вюрцбургской школы, изучавшие мышление. Так, К. Бюлер принципиально отказывается от исследования «диалектики мышления» и ограничивается поиском ненаглядных элементов мышления. Вюрцбургские психологи пользуются в своих исследованиях не разрозненными высказываниями испытуемых, но стремятся придать высказываниям систематичность, требуется, чтобы испытуемые давали показания после каждого эксперимента «тотчас по окончании

исследуемого процесса» (Кравков, 1922). Подобно Альфреду Бине, вюрцбургские психологи широко используют активный опрос испытуемых.

Н. Ах стремится повысить научность и объективность своего исследования, что может быть достигнуто лишь точным описанием и протоколированием всего переживания от появления сигнала до конца эксперимента (Ach, 1905). Н. Ах выделяет в качестве существенной характеристики предлагаемого им метода «систематического экспериментального самонаблюдения» требование возможно полного описания всего, бывшего в сознании, без разграничения «важного и неважного», а также требует описания не только главного периода, но и предварительного. В методе Аха, так же как и у других вюрцбургцев, происходит активный опрос испытуемого. Н. Ах впервые использует метод вспомогательного эксперимента, моделирующего интересующее его явление. В протоколах экспериментов высказывания испытуемых о наличии детерминирующих тенденций отсутствуют. Ах поясняет, что они действуют в сфере бессознательного. Для того, чтобы доказать их наличие, проводится эксперимент с гипнозом. Там неосознаваемое внушение формируется с помощью команды гипнотизера. Эксперимент Аха убедительно демонстрирует действие этой неосознаваемой тенденции: она совершенно определенным образом влияет на поведение испытуемого, но им не осознается. Результаты этого эксперимента Ах «переносит» на случаи решения других задач, где гипноз не использовался, но поведение испытуемого является сходным. Отбор правильных решений объясняется Ахом через действие неосознаваемых тенденций, которые в протоколе не упоминаются. Поэтому так называемые «беспорядки в изложении» Н. Аха (Humphrey, 1951) имеют вполне определенное происхождение: реально использовался иной способ интерпретации, не нашедший адекватного описания в тексте работы.

Исследования в Вюрцбургской школе выявили важное противоречие. Распространение метода эксперимента на изучение процесса мышления выявило неадекватность метода интроспекции. Столкновение с неосознаваемыми психическими процессами неизбежно ведет к появлению опосредованных методов. Это новая глава в истории психологии.

Литература

- Кравков С. В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.
- Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
- Ach N. Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang: Ueber das Hippsche Chronoskop. Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905.
- Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950.
- Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. Leipzig: Veit, 1902. Bd. 1.
- Ebbinghaus H. Ueber das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.
- Humphrey G. Thinking: An Introduction to its experimental Psychology. London: Methuen; N. Y.: Wiley, 1951.
- Watt H. J. Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens // Archiv für die ges. Psychologie. Leipzig, 1905. Bd. 4. S. 289–436.
- Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ

Н. Л. Нагибина*, Н. Г. Артемцева**

* Институт психоанализа (Москва)

** Институт психологии РАН (Москва)

nagibina-nata@rambler.ru

Обсуждаются проблемы построения психологических классификаций. Особое внимание уделяется анализу экспериментальных исследований, направленных на создание психологических типологий.

Ключевые слова: классификация, познание, эксперимент, эмпирическое исследование, типологизация, психологические типологии.

Классификация – один из основных приемов, применяемых психологами для описания различий между людьми. Проблема удачного, т. е. определяющего более широкий спектр производных характеристик основания для классификации психологических типов, всегда была краеугольной для дифференциальной психологии.

В психологии мы сталкиваемся с тем, что с помощью сознания можно изучать сознание. Здесь открываются новые возможности, но и новые ограничения, связанные, в частности, с субъективностью и ее преодолением. Как известно, в психике человека есть осознаваемые и неосознаваемые компоненты познания. Они работают часто самостоятельно, как два разных оценщика ситуации. Именно поэтому оценки с помощью *проективных тестов* (которые направлены на исследование бессознательного) часто вступают в противоречие с самооценками, полученными с помощью *опросников* (которые апеллируют к сознанию или осознаваемому поведению). Проблемы построения психологических классификаций связаны с высокой сложностью и неоднозначностью психической реальности. Классифицировать материальный мир гораздо проще.

Для оценки психологического типа важно, чтобы измерительный инструмент (тест, методика) был «откалиброван» не на настоящее и актуальное, а на типичное, повторяющееся с большой вероятностью на протяжении жизни. Поэтому для типологов так важны методы, которые позволяют видеть настоящее сквозь призму всего жизненного пути личности: биографический, структурированная беседа, лонгитюдное наблюдение в естественной ситуации. Такие методы хорошо разработаны в клиническом исследовании. В работе со здоровыми людьми они составляют, скорее, исключение.

Основы классификации как науки заложили ведущие мыслители древности Платон и Аристотель. Платон создал учение об «идее», согласно которому каждое животное должно было обладать набором признаков, соответствующих определенной «идее», и по этому соответствию относиться к определенной группе. Это учение обогатил Аристотель, разработав представление о «сущностях», внутренних свойствах всех предметов и явлений, в том числе и животных. «Сущности» могут быть опознаны по определенным критериям и позволяют определить «идею» животного. Аристотель же ввел в обиход понятия «вид», т. е. совокупность животных с одной идеей, и «семейство» – совокупность видов, сходных между собой. Вообще, античные философы внесли огромный вклад в становление систематики как науки. Они исходили из понимания Космоса как гармоничной системы, где все составляю-

щие подчинены определенному логичному порядку. Все живые организмы в таком представлении воплощены в «Лестницу Природы», в которой существа располагаются от простейших к сложным. Это мировоззрение оказало значительное влияние и на современную систематику. С тех пор существовало немало школ классификации и систематики. Несомненно, интересна классификация Пифагорейской школы, признававшей гармонию чисел. Ее современный представитель У. Маклей в своей системе подчинял систематику цифре 5 как наиболее гармоничной. И на каждом уровне каждая структурная единица делится на пять подъединиц. Т. е. каждый тип делится на пять классов, каждый класс на пять отрядов и т. д. Биологическая систематика дает, пожалуй, самые разветвленные и наиболее сложные классификации. Все живые организмы разделяются, прежде всего, на царства растений и животных – и затем уже на типы. Тип объединяет животных с общим происхождением, строением, способом развития и другими важными признаками. Классификация животных хорошо показывает типичные черты, присущие всем естественным классификациям реальных и достаточно сложных объектов. Они оперируют не отдельными параметрами, а целостной системой жизнедеятельности, структурами.

Оказалось, что в психике тоже свои системы и, когда работаешь с типологиями, надо работать с системами в системах.

На сегодняшний день существует несколько тысяч самых разнообразных психологических классификаций, которые обозначают те или иные различия между людьми или психическими свойствами (качествами, характеристиками).

Классификации различаются масштабом обобщений, степенью внутренней согласованности, классификационными основаниями и т. д.

Важным для измерения психологического типа является умение диагноста видеть не отдельные фрагменты психической реальности, а оперировать системами (познавательной, ценностно-мотивационной, эмоциональной, волевой) и учитывать их целостный характер, знание устойчивых вариантов этих систем, умение их сравнивать. Сравнение и оценка этих систем осложняются отсутствием проработанной методологической базы: нет единого мнения о том, что сравнивать и как оценивать.

Логика развития психологических классификаций диктовала параллельное движение двух крупных научных направлений: одно получило название «психология типов», а другое – «психология черт». С течением времени оба направления двигались навстречу друг другу: психология типов – в попытке понять структуру психических свойств каждого из типов, психология черт – в попытке более крупных и системных обобщений.

Чаще всего классификация затрагивала характеристики, связанные со сферой социального взаимодействия, строилась как набор биполярных черт, сильное преобладание какой-то черты создавало некий акцент в характере человека. Характеристики частных классификаций: отсутствие четкой границы между классами, человек может переходить из одного класса в другой под действием внешних и внутренних причин, число классов зависит от установки автора классификации. Примерами таких классификаций являются социально-характерологическая и социально-политическая классификации Теофаста и Платона, соответственно.

Соединением теоретических предположений и практических наработок стала хрестоматийная типология Гиппократов, который, оставаясь на позициях космологов о природе человеческой души, задался вопросами строения и функционирования различных психических и физических организаций человека в социуме и создал типологию темпераментов.

В основе любой эмпирической типологии лежит количественная обработка и обобщение данных, фиксация устойчивых признаков сходства и различия, систематизация и интерпретация полученного материала. Особенно важными становятся, таким образом, требования к описанию психологического типа, которые включают в себя среди прочих и такие компоненты: описание психологических характеристик типа, указание максимальной меры выраженности качеств, отражение особенностей поведения, проблем, предпочтений и т. п., вытекающих из наличия данной структуры психологических качеств.

Авторы современных системных концепций стараются максимально обобщить результаты эмпирических исследований индивидуальных особенностей человека в рамках единой типологической модели. Такая модель, как правило, является центром конструкции, объединяющей общие, типологические и индивидуальные психологические характеристики человека. Примерами такой системной классификации могут служить *теория ведущих тенденций* Л. Н. Собчик, *психосмология* Н. Л. Нагибиной, *концепция метаиндивидуального мира* Л. Я. Дорфмана.

Более сложные и системные модели учитывают тот факт, что могут встречаться как количественные, так и качественные различия признаков, распределения этих признаков в виде ясных связей может образовывать типы, которые, в свою очередь, имеют достаточно жесткое и устойчивое распределение в социуме.

Таким образом, для построения экспериментального исследования психологических классификаций необходимо учитывать следующее.

- 1 *Масштабность и комплексность исследования* (возможность прорисовки и учета нескольких планов в разных масштабах).

Даже на таких, относительно несложных душевных процессах, как восприятие или припоминание, отражаются очень многие стороны личности (например, степень сосредоточения внимания, развития, мышления и воображения, направление интересов, особенности эмоциональной сферы и т. д.). Что касается других, более сложных проявлений характера, то трудно или почти невозможно изучать отдельные качества, не изучая всего человека. Необходимо путем долгого, систематического наблюдения собирать характеристики, по возможности полные и фактически обоснованные, хотя бы сначала в количестве очень ограниченном.

Примером подобного плана исследования может служить программа А. Ф. Лазурского. Он предложил две программы наблюдения: программа 1 – руководящая (определяющая, *что наблюдаем*: Ощущения. Восприятие. Острота восприятия. Обилие и богатство их. Точность восприятия) и программа 2 – объяснительная (раскрывающая признаки того, что наблюдаем: Острота восприятий. Способность улавливать самую тонкую и малозаметную разницу между отдельными ощущениями).

Количественная сторона. В сумерках и темной ночью хорошо видит, распознает самые мелкие звезды на небе, свободно разбирает мелкую печать. Улавливает самый незначительный шорох, чрезвычайно слабые и отдаленные звуки. Ясно и отчетливо различает самые слабые прикосновения, запахи и т. д.

Качественная сторона. Хорошо подбирает цвета, различая тончайшие их оттенки. Обладает музыкальным слухом, способностью улавливать разницу между самыми близкими тонами. Тонко распознает различные запахи (например, разные духи).

Не замечается ли преобладание одного какого-нибудь рода ощущений над всеми остальными?

Обилие и богатство восприятий. Наблюдателен: замечает все, что происходит вокруг него. Когда рассматривает что-нибудь, то ни одна мелочь не ускользает от его внимания. Чрезвычайно подробно изучает все то, за что ни возьмется.

Точность восприятий. Все его наблюдения, описания и рассказы о только что виденном или слышанном вполне соответствуют действительности; как отдельные подробности событий, так и их взаимные отношения переданы совершенно точно. Или же все его описания, даже при внимательном отношении к предмету, полны ошибок, неточностей и пробелов.

- 2 *Математическое моделирование в психологии.* Например, математизированная синтетическая теория психических процессов (МСТ). Эта теория не только получила в последние годы ряд экспериментальных подтверждений (Орехов, 2006; Ильясов, 2003; Семенов, 2000), но и воплотилась в нескольких компьютерных программах, в частности в программе, строящей систему знаний и понимающей смысл текстов, вопросов и правил на естественном русском языке (Орехов, 2006).
- 3 *Характер и специфика распределения свойств и характеристик в исследуемой среде.*

Сюда можно отнести исследования национальных особенностей психических процессов, кросскультурные исследования, концепция культурно-исторических типов К. Данилевского.

- 4 *Умение создавать минимальный набор субшкал, не нарушающих полноту и конструктивную валидность психологического свойства.*

Набор шкал по восприятию лица (Барабанщиков, Нагибина, Артемцева, 2002), шкалы Личностных Установок Развития (Нагибина, Грекова, 2002), исследования личности через Большую пятерку.

- 5 *Умение работать с профильными характеристиками и профильными (типичными) распределениями показателей по субшкалам.*

Музыкальная пиктограмма (Нагибина, 2000), ММРІ, тест на профиль созависимости (Артемцева, 2008).

Таким образом, психологическая классификация представляет собой логико-методологическую процедуру поиска и обнаружения минимума существенных признаков, без которых исследуемое сложное явление не способно ни существовать, ни изучаться.

Литература

- Артемцева Н. Г. Восприятие психологических характеристик человека по «разделенному» лицу. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Артемцева Н. Г. Феномен со-зависимости: типологический подход // В кн.: Психологические и психоаналитические исследования. М.: Гнозис, 2008. С. 120–131.
- Барабанщиков В. А. Восприятие выражений лица. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
- Барабанщиков В. А., Нагибина Н. Л., Артемцева Н. Г. Психологические особенности восприятия изображения человеческого лица, разделенного вертикально // Современная психология: состояние и перспективы (тезисы докладов на юбилейной научной конференции Института психологии РАН. 28–29 января 2002 г.). М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 84–86. Т. 1.

- Барабанщиков В. А., Нагибина Н. Л., Артемцева Н. Г. Особенности восприятия человеческого лица: объективные и субъективные составляющие // Психология и ее приложение (тезисы доклада на научной конференции). М.: РПО, 2002. С. 143–144.
- Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир. М., 1993.
- Ильясов И. И. Система эвристических приемов в решении задач. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Лазурский А. Ф. Очерки науки о характерах. М., 1995.
- Нагибина Н. Л. Психология типов. Системный подход. Психодиагностические методики. М.: Институт молодежи, 2000. Ч. 1.
- Нагибина Н. Л., Грекова Т. Н. Психология типов. Стратегии развития. М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2002. Ч. 3.
- Орехов А. Н. Моделирование психических и социально-психологических процессов: номотетический подход. Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006.
- Платон. Соб. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1990.
- Семенов И. Н. Тенденции психологии развития мышления, рефлексии и познавательной активности. М., 2000.
- Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2005.
- Феофраст. Характеры. Л.: Наука, 1974.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ЧЕЛОВЕКА

В. М. Русалов

Институт психологии РАН (Москва)

roussa@rambler.ru

Показаны ограничения номотетического подхода в современной дифференциальной психологии. Обоснованы возможности нового метода экспериментального компьютерного изучения психических свойств отдельно взятого человека на основе метода парных сравнений. Установлена высокая надежность метода, который позволяет оценивать уникальные структуры внутреннего мира человека.

Ключевые слова: индивидуальность, индивидуальные различия, метод парных сравнений.

Важнейший факт, открытый психологами XX столетия, заключается в том, что все люди отличаются друг от друга и являются уникальными индивидуальностями. Индивидуальность охватывает все многообразие человеческих качеств, включая как биологические, так и психологические особенности каждого отдельного человека. Особенно велики индивидуальные различия в субъектно-содержательных свойствах индивидуальности, относящихся к свойствам внутреннего мира человека: в системе ценностей, моральных установок, убеждений и т. д. (Русалов, 2006).

Очевидно также и то, что у каждого человека имеется целый ряд характеристик, которые являются общими для всех людей. Именно это обстоятельство, а также доступность методических приемов, выдвинули на первый план изучение этих общих характеристик. Средний, а точнее усредненный, обобщенный, абстрактный человек долгое время оставался основным предметом изучения дифференциальной

психологии. Психологи исследовали, главным образом, индивидуальные различия, касающиеся таких психологических образований, как память, эмоции, интеллект, темперамент и т. д. на усредненном человеке, абстрагируясь от индивидуальных характеристик конкретного человека в их структурном сочетании. Обычная процедура изучения индивидуальных различий сводилась к тому, что те или иные свойства конкретного человека сопоставляются с гомологичными свойствами усредненного (универсального, нормативного) человека как представителя человечества. Однако, строго говоря, универсальных норм не существует. Дело в том, что создание универсальной общечеловеческой репрезентативной выборки, с которой можно было бы сравнивать психологические свойства любого конкретного человека и с теоретической, и с практической точки зрения является бессмысленным и нереализуемым делом. Такая выборка должна была бы включать представителей всех народов мира, всех континентов, всех профессий и т. д. В реальной жизни мы всегда имеем дело с групповыми нормами. Группы могут отличаться по социальному статусу, по уровню образования, по этническому происхождению, по полу, по гендеру, по возрасту, по профессии и т. д. и т. п. Использование групповых норм получило наибольшее распространение в дифференциальной психологии.

В результате сопоставления конкретного человека с той или иной группой мы определяем, насколько данный человек похож или не похож на других членов этой группы, насколько данный конкретный человек отличается (в ту или иную сторону) от набора качеств большинства членов сравниваемой группы. Однако очевидно, что при использовании групповых норм мы изучаем только групповые различия, в то время как истинные индивидуальные различия между конкретными людьми остаются вне поля исследования.

Уникальность человека долгие годы лишь декларировалась и была для экспериментальной психологии камнем преткновения. Предложение Штерна (Штерн, 1998) представить индивидуальность как «профиль», как вертикальный срез свойств на шкалах, отражающих групповые нормы, на первый взгляд представляется удачным выходом из положения. В действительности же, такое понимание индивидуальности, наоборот, только усложняет проблему. Совершенно очевидно, что каждая индивидуальность, будучи уникальной, тысячами особенностей отличается от абстрактного человека и не сводится к сумме (или профилю) этих отличий.

Номотетический подход, доминирующий в современной дифференциальной психологии, принципиально не решает проблему уникальности индивидуальности человека, поскольку вместо истинной индивидуальности здесь фиксируется косвенная абстрактно-статистическая индивидуальность. Действительно, один и тот же конкретный человек при таком подходе может иметь много «индивидуальностей» (т. е. много профилей), в зависимости от тех конкретных популяций, с которыми он сравнивается.

Конечно, любой человек обладает многими характеристиками, свойственными человеческому роду в целом и представителям его конкретной социокультурной группы в частности, но это лишь малая доля того, что представляет собой на самом деле реальный конкретный человек. Мы можем ошибочно заявить, что конкретный человек как таковой – это всего лишь комбинация отклонений от нормы, которые и объясняют уникальность его поведения. Каждый конкретный человек – это микрокосмос, уникальное устойчивое сплетение (структура) индивидуальных свойств с огромными возможностями развития и совершенствования (Оллпорт, 2002). Каж-

дый человек как индивидуальность – это единая система, а не совокупность описаний через универсальные и групповые нормы.

Попытки гуманистической и психоаналитической психологии проникнуть во внутренний мир отдельного человека сыграли важную роль в познании глубоких, внутренних психологических характеристик отдельно взятого человека: его мироощущения, отношения к миру и к себе, нравственных установок, смыслов и целей жизни и т. д. Но эти попытки позволили лишь сформулировать проблему индивидуальности. Изучение индивидуальности здесь не соответствует, во-первых, общепринятым нормам научного познания, и, во-вторых, простое описательное наблюдение за поведением конкретного человека не раскрывает закономерностей организации его внутренних психологических свойств. Живого конкретного человека невозможно постичь с помощью простого, пусть даже и длительного, наблюдения. В связи с этим возникает острая необходимость разработки теоретических концепций и экспериментальных методов, которые позволили бы понять структуру внутренних свойств индивидуальности человека.

За последние годы нам удалось разработать несколько таких концепций и методов. Мы используем термин «идиодинамика, идиодинамическая структура». Под этим термином Розенцвейг понимал устойчивую внутреннюю структуру индивидуальности, и поэтому мы, вслед за Розенцвейгом, называем свой экспериментальный подход «идиодинамическим» (Rosenzweig, 1958). Для объективной оценки внутренней, идиодинамической структуры индивидуальности человека нами разработана специальная концепция «имплицитной самоидентификации» (Русалов, 2010). Мы полагаем, что у каждого человека, у каждой индивидуальности имеются не только сознательные (эксплицитные, открытые), но и бессознательные, «теневые», смутно или плохо осознаваемые или совсем неосознаваемые психические структуры (Юнг, 1994).

Мы предполагаем, что имплицитные характеристики могут выступать «наружу» более отчетливо в специальных экспериментальных ситуациях, например в конфликтных ситуациях, когда человек испытывает затруднения в рациональных, логических объяснениях своего поведения. Для выявления и измерения «идиодинамической» структуры психологических свойств внутри индивидуальности мы использовали «метод парных сравнений» (Крылов, 2000). Разработанный нами компьютерный вариант данного метода с параллельным измерением времени реакции позволяет свести к минимуму «нежелательные» влияния социальной желательности, поскольку в процессе эксперимента человек сосредоточен преимущественно на собственном внутреннем психическом мире.

Суть нашего метода заключалась в следующем. Испытуемый должен сравнивать на экране компьютера, используя курсор мыши, две пары психологических свойств, относящихся к высшему внутреннему миру индивидуальности человека. Метод позволяет исследовать любые свойства – будь то нравственные установки или идеологические предпочтения и т. д. Испытуемый, по инструкции, должен выбирать из пары предъявленных свойств (например, жизненных ценностей) ту ценность, которая для него в настоящее время более выражена. Свойства предъявляются парами в случайном порядке. Одна пара следует за другой, и так до тех пор, пока не будет исчерпан весь список и каждое свойство не будет сопоставлено со всеми остальными. В наших исследованиях в списках свойств содержалось, как правило, 20 позиций, и испытуемому приходилось осуществлять 190 сравнений (выборов).

Экспериментальная ситуация вынужденного парного сравнения (операцию сравнения по инструкции нужно проводить как можно точнее и одновременно как можно быстрее) вынуждает испытуемого обращаться к скрытым, бессознательным, имплицитным слоям психики. Например, испытуемому необходимо сравнить, какая жизненная ценность у него более выражена в настоящее время: семья или здоровье? Очевидно, что в такой экспериментальной ситуации человек испытывает явные затруднения и не способен строго логически обосновать свой выбор и, как следствие, вынужден прибегнуть к неосознаваемым или смутно осознаваемым имплицитным уровням своего сознания.

После многочисленных выборов (сравнений) специальная компьютерная программа выстраивает иерархизированную, упорядоченную пирамиду исследуемых свойств у каждого конкретного человека. Программа фиксирует порядок (перечень) исследуемых свойств внутреннего мира по иерархии, учитывая количество выборов конкретного свойства и усредненное время выбора каждого из них. Следует подчеркнуть, что у всех испытуемых без исключения мы наблюдали в той или иной степени некоторое нарушение пирамиды, или «линейности», «логичности» выборов, что свидетельствовало о так называемой «неэвклидовости» организации свойств внутреннего мира человека. Факт «неэвклидовости», хорошо описанный В. Ю. Крыловым (Крылов, 2000), указывает на то, что мы действительно имели дело с иррациональными, имплицитными формами человеческого поведения. Для восстановления «линейности пирамиды» в случае равного числа выборов для разных свойств мы использовали усредненное время выбора. Более короткое время выбора свидетельствовало, по нашему мнению, о более быстрой и более уверенной обработке информации в сознании испытуемого, что позволяло нам приписать данному свойству более высокий ранг по сравнению с другими свойствами.

Списки исследуемых свойств внутреннего мира человека не закрыты, они могут увеличиваться или уменьшаться в зависимости от конкретных задач исследования. С целью проверки стабильности «идиодинамической» структуры внутренних свойств у каждого отдельного человека мы провели специальные повторные исследования с интервалом 3–4 недели. В исследовании приняло участие более 100 человек. Тест-ретестовый коэффициент корреляции, отражающий временную надежность (устойчивость) идиодинамических свойств у каждого исследуемого человека, во всех случаях превышал 0,75. Высокие коэффициенты свидетельствуют о надежности разработанного нами метода (Русалов, 2010).

Выявленные устойчивые «пирамиды» внутренних свойств у каждого отдельно взятого человека являются уникальными по своей последовательности (структуре) и представляют собой целостные неделимые системные признаки. Очевидно, что, будучи уникальными, данные наборы системных признаков («пирамиды» признаков) не могут быть усреднены с гомологичными признаками других людей. Однако нам представляется вполне корректным сравнивать свойства «пирамиды» одного человека со свойствами «пирамиды» другого человека. Например, у одного человека ценность «семья» стоит на первом месте, ценность «дети» – на пятом месте. У другого человека ценность «семья» – на шестом месте, а «дети» – на 10 месте. У третьего человека «семья» стоит на 10 месте, а «дети» – на 15 месте и т. д.

Таким образом, нам удалось в рамках идиографического подхода разработать надежный экспериментальный компьютерный метод парных сравнений, позволяющий исследовать закономерности организации психических свойств внутреннего мира отдельно взятого человека.

Литература

- Оллпорт Г. Становление личности. М.: Смысл. 2002. С. 464.
- Крылов В. Ю. Методологические и теоретические проблемы математической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2000. С. 376.
- Русалов В. М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 83–91.
- Русалов В. М. О надежности метода парных сравнений при имплицитной самоидентификации личностных свойств // Математическая психология: Школа В. Ю. Крылова. М.: Изд-во ИП РАН, 2010. С. 482–489.
- Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука. 1998. С. 335.
- Юнг К. Аналитическая психология. СПб., 1994.
- Rozenzweig S. The Place of the Individual and of Idiodynamics in Psychology // Journal of Individual Psychology. 1958. V.14. P. 3–12.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ГРУППОВОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

С. В. Сарычев, А. С. Чернышев

Курский государственный университет (Курск)

kursk-psychol@ya.ru

Обсуждаются проблемы использования эксперимента в исследовании совместной деятельности и группового поведения. Рассматриваются структура социально-психологического эксперимента как способа верификации гипотезы, повышение экологической валидности данных эксперимента, возможности сочетания различных видов эксперимента в исследовании малых групп.

Ключевые слова: эксперимент, совместная деятельность, групповое поведение, малая группа, групповой субъект.

Проблема. Потребность прогнозирования процесса и результатов совместной деятельности малых групп делает востребованным исследование их совместной деятельности и группового поведения. Малые группы оказывают существенное влияние на личность члена группы и, по принципу обратной связи, на общество (Андреева, 1988). Линия исследования и формирования малой группы как субъекта деятельности, общения и отношений, наметившаяся в 60–80-е годы XX в. в отечественной социальной психологии, стимулировала разработку феномена «совместной деятельности». Развитие концепции совместной деятельности как феномена, наиболее адекватного для описания субъектности группы, сопровождалось совершенствованием методического арсенала исследований. В реализации принципа единства теории, эксперимента и практики применительно к обозначенному предмету исследования ведущую роль сыграли идеи системного подхода. Применение данного принципа предполагало разработку новых методов, обладающих «высокой разрешающей способностью» (Ломов, 1984).

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-06-00312а.

В отечественной науке феномен «малой группы» рассматривался в связи с понятием «коллектив». Им обозначался как высший уровень развития малой группы, так и социально заданный эталон общности – «социально зрелое» явление (Бехтерев, 1994; Макаренко, 1988; Петровский, 1982). Ориентация на коллектив как эталон совершенствования малой группы постулировала более сложное содержание жизнедеятельности малой группы, нежели оценка эффективности непосредственного контакта ее членов. Коллектив наделялся характеристикой субъектности, которая раскрывалась понятиями «общественная активность», «сверхнормативная активность», «самоуправляемость» и сводилась к способности коллектива преобразовывать социальную среду. Путь от группы к коллективу лежал через ее включение в преобразующую деятельность. А. В. Петровский утверждал, что так же как индивид в предметной деятельности преобразует окружающий мир и посредством этого изменяет себя, становясь личностью, так и социальная группа в совместной социально значимой деятельности преобразует окружающую среду и посредством этого изменяет систему межличностных отношений, становясь коллективом (Петровский, 1982).

Теоретические основы. Четко постулировалась зависимость метода исследования от вышеуказанных методологических принципов, что определило специфический путь разработки методов исследования. В частности, отмечалось, что субъектность коллектива сопряжена с ярко выраженной процессуальностью, динамичностью социально-психологических явлений в коллективе, а наиболее адекватными для ее изучения могут быть «процессуальные методические средства», а не только статичные методики типа опросников. Поэтому возникает задача разработки методов, моделирующих групповые процессы, чтобы «процесс измерить процессом» (Ломов, 1984), а экспериментальный метод представляется достаточно перспективным.

Мы полагаем, что релевантным методом исследования совместной деятельности и группового поведения является эксперимент. Психологи и социологи, разрабатывающие проблемы эксперимента в общественных науках (Бехтерев, 1994; Куприян, 1971; Левин, 1990; Ломов, 1984) исходили из того, что экспериментальный метод имеет активный характер. Эксперимент в социальной психологии, по мнению К. Левина, должен давать объяснительную характеристику, объяснять причины, детерминацию человеческого поведения, а не ограничиваться только установлением факта (Левин, 1990). Эта точка зрения основывается на предположении о динамическом характере причинно-следственных связей и активном содействии исследователя изменениям в объекте. Генеральный путь исследования групп в социальной психологии, таким образом, заключается в движении от теории к эксперименту, цель которого заключается в нахождении психологических закономерностей, установлении законов, предсказании психологических явлений.

Важной методологической проблемой социальной психологии является рассмотрение структуры эксперимента как способа проверки гипотезы. В экспериментальном исследовании, предметом которого являются групповые социально-психологические явления, на отдельных этапах могут быть использованы такие методы, как интервью, беседа, наблюдение, анкетирование, тесты. Эти методы могут предшествовать эксперименту, подготавливать его или создавать соответствующие условия для него, сопутствовать ему, следовать после этапа активного воздействия на экспериментальные переменные (Андреева, 1988; Куприян, 1971). Эксперимент в данном случае является не только измерением и контролем

переменных, но и способом организации исследования, интегрирующим другие методы.

Проблемы использования в социально-психологическом исследовании групп лабораторного и естественного экспериментов, их соотношения, валидности неодинаково решаются разными социальными психологами. Констатируя широкое использование лабораторного эксперимента в социально-психологических исследованиях малых групп, указывают, что факты, полученные таким образом, имеют низкую экологическую валидность, слабо соотносятся с социальным контекстом поведения и деятельности (Андреева, 1988; Куприян, 1971).

Сторонники противоположной точки зрения указывают на то, что лабораторный эксперимент дает дополнительные возможности для более полного контроля над переменными и вычленения изучаемого психологического явления «в чистом виде». Именно лабораторный эксперимент наиболее разработан в психологии. Этот метод психологи начали разрабатывать ранее других методов, потому он наиболее распространен, особенно в американской социальной психологии. Американские социальные психологи указывают также на то, что лабораторный эксперимент способен давать однозначное доказательство причинности, более полно контролировать внешние переменные, а также осуществлять измерение значений и параметров сложных экспериментальных переменных, т. е. лабораторный эксперимент обладает определенными достоинствами, которые невозможно игнорировать.

Ответ, видимо, заключается не в том, использовать или не использовать лабораторный эксперимент, а в том, для достижения каких целей и каким образом использовать его результаты, какие обстоятельства и приемы позволяют валидизировать данные, полученные в лабораторном эксперименте. Исследование совместной деятельности и поведения группы требует сочетания лабораторного и естественного экспериментов.

Характеризуя состояние отечественной социальной психологии в 50-е годы XX столетия, А. В. Петровский отмечает, что «...она была лишена экспериментальной основы... Характеристика и оценка социально-психологических явлений психологами осуществлялась главным образом на основе наблюдений и имела в значительной степени умозрительный характер» (Петровский, 1982). С 60-х годов у нас в стране широко используются конкретные методики изучения коллектива. С помощью этих методик исследователи решают задачи диагностики, прогнозирования и разработки рекомендаций по формированию и управлению коллективом. Методы диагностики разрабатывались в зависимости от специфических особенностей тех социально-психологических явлений коллектива, которые подлежат изучению и измерению.

В начале 60-х годов сложились благоприятные условия для интенсивного развития отечественной социальной психологии. Разработка адекватных научных теорий социально-психологических явлений – и, прежде всего, взаимоотношений людей в малых группах и коллективах – предполагала дополнение традиционно описательного подхода объяснительным, с характерным для последнего использованием экспериментальных и измерительных методик (Журавлёв, 2001).

Особенно интенсивно разрабатывался экспериментальный метод. Заметную роль в этом сыграли идеи А. С. Макаренко, вся педагогическая деятельность которого являлась примером естественного эксперимента, и В. М. Бехтерева, впервые в нашей стране успешно применившего лабораторный эксперимент для изучения эффективности групповой деятельности.

Л. И. Уманский и его сотрудники, исходя из положения К. Левина об активной роли экспериментатора и минимизации «стерильности» ситуации эксперимента, разработали и реализовали комплекс методик лабораторного, естественного и формирующего эксперимента в рамках созданного ими психологического центра по подготовке молодежных лидеров «Комсорг» (Левин, 1990; Уманский, 1980). Компенсация известных ограничений лабораторного эксперимента (особенно низкой «экологической» валидности) достигалась за счет естественного эксперимента, когда моделируемая экспериментальная ситуация вводится в контекст естественных для испытуемых условий их жизнедеятельности.

Социальными психологами осознавались ограничения и недостатки лабораторного и, прежде всего, аппаратного эксперимента в социальной психологии и намечались пути их минимизации. Б. Ф. Ломов предупреждал о возможной редукции полученных данных, так как в реальности социальное явление имеет многосторонние связи и отношения не только с внешним миром, но и в самом себе (Ломов, 1984). А. В. Петровский полагал, что попытки упростить природу социально-психологических явлений могут привести к потере самой ценности изучаемой проблемы (Петровский, 1982).

А. Л. Журавлёвым и Т. В. Дробышевой теоретически осмыслена специфика эксперимента по предмету исследования и экспериментальным переменным, процедура организации и проведения естественного формирующего эксперимента в социальной психологии, что привело их к закономерному выводу о том, что данный метод исследования позволяет осуществлять специально организованное экспериментальное воздействие на испытуемых с целью управления переменных при сохранении естественных условий жизнедеятельности группы и личности в ней (Журавлёв, Дробышева, 2008).

Наряду с экспериментальными методиками в этот период было разработано много оригинальных опросников по изучению стиля руководства, мотивации, интересов, ценностных ориентаций, оценки коллектива как субъекта деятельности, отношений и общения, оценке личности руководителя, самооценке и т. п. Одновременно с разработкой собственных методических средств шел процесс заимствования измерительных и экспериментальных методик из арсенала американских и европейских авторов, однако без основательной работы по адаптации и валидации зарубежных методик к новым социокультурным условиям и иным методологическим основам, присущим отечественной социальной психологии. В итоге метод искусственно отрывался от «своей» методологии и после «очищающей» критики философских воззрений их создателей, как справедливо отмечает А. В. Петровский, заимствованные экспериментальные приемы широко использовались для изучения психологии малых групп, коллективов и личности в нашей стране.

Разработанный методический арсенал нуждался в строгой научной систематизации и классификации. И в этой связи заслуживает внимания схема методов социальной психологии, предложенная Е. С. Кузьминым, В. Е. Семеновым и др., которая наиболее полно соответствовала специфике социально-психологических явлений (Кузьмин, 1967).

Результаты. Соображения, приведенные выше, позволяют наметить общую стратегию исследования совместной деятельности и группового поведения. В социально-психологическом исследовании совместной деятельности и группового поведения нам представляется целесообразным использовать разные группы методов:

наблюдение, опросные методы аппаратурные методики, структурно объединенных в рамках методического блока исследования (Чернышев, Лунев, Сарычев, 2005).

Формой организации исследования совместной деятельности и группового поведения целесообразно избрать сочетание лабораторного и естественного эксперимента. В качестве главного метода организации исследования целесообразно избрать естественный эксперимент, позволяющий изучить реальные группы в реальных напряженных условиях. Крупномасштабный естественный формирующий эксперимент (до 200–250 человек одновременно) проводился в центре подготовки молодежных лидеров «Комсорг», впервые созданном Л. И. Уманским, А. С. Чернышевым и др. в 1965 г. (Уманский, 1980), и при исследовании групп функционирующих в режиме непрерывного бодрствования (Чернышев, Лунев, Сарычев, 2005). Его необходимо дополнить лабораторным экспериментом, что позволит выделить изучаемые психологические явления «в чистом виде» и уточнить данные, полученные в естественном эксперименте.

Упомянутый выше методический блок применялся нами в полевом социально-психологическом эксперименте – лабораторном и естественном. Мы считаем, что в лабораторном эксперименте необходимо отвести приоритетное место моделированию совместной деятельности группы при помощи аппаратурных методик (Чернышев, Лунев, Сарычев, 2005).

Литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1988.
- Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.
- Журавлёв А. Л. Развитие концепции совместной деятельности в современной психологии // Психология совместной деятельности малых групп и организаций. М., 2001. С. 120–136.
- Журавлёв А. Л., Дробышева Т. В. Специфика естественного формирующего эксперимента в социально-психологическом исследовании // Вестник практической психологии образования. 2008. № 2 (16). С. 18–24.
- Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л., 1967.
- Куприян А. П. Методологические проблемы социального эксперимента М., 1971.
- Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 5. С. 134–158.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Макаренко А. С. О воспитании. М., 1988.
- Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
- Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. М., 1980.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Сарычев С. В. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М., 2005.